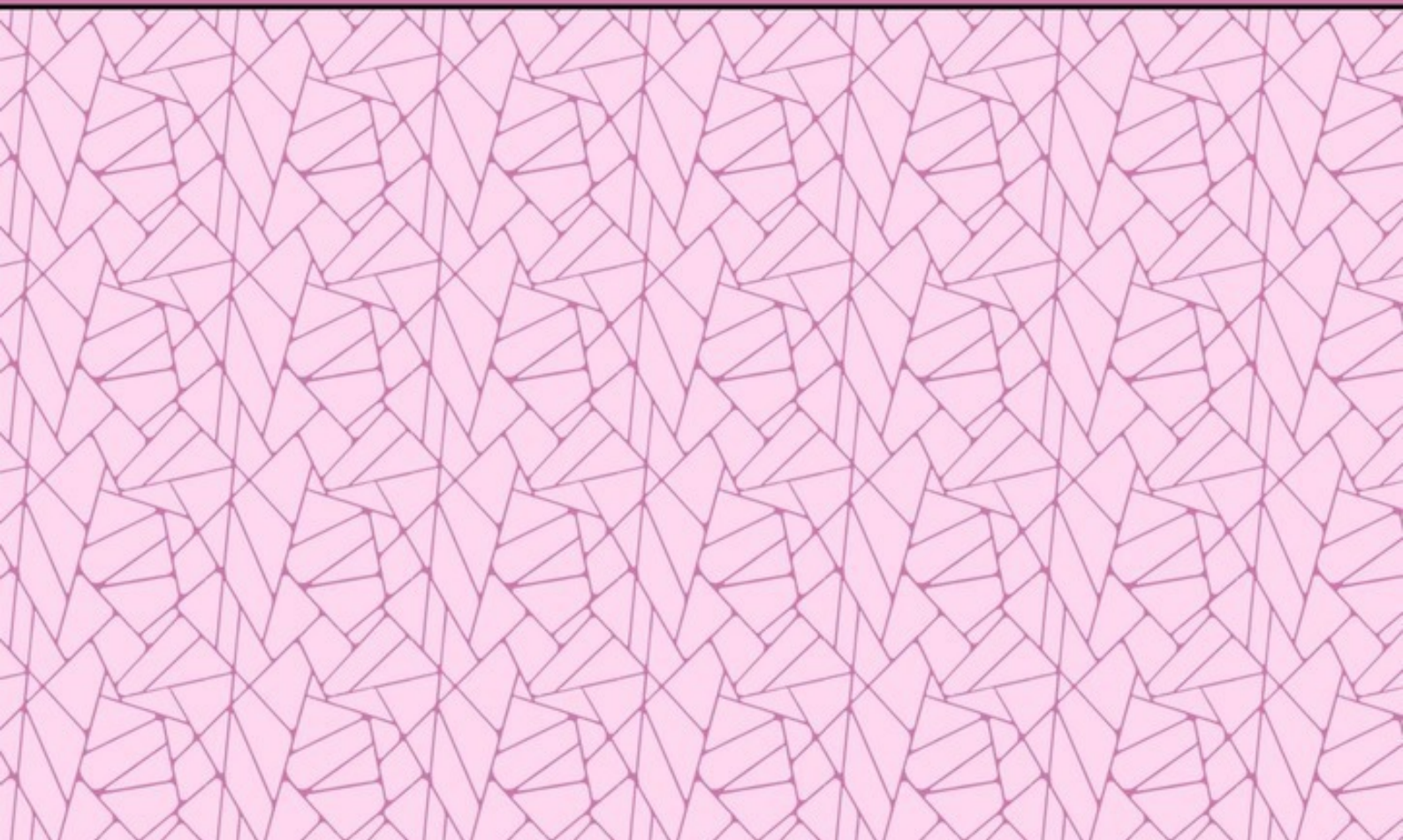

Иван Державин

*Ортодокс, или
Запретная
любовь дочери
премьера*

Иван Державин

**Ортодокс, или Запретная
любовь дочери премьера**

«Издательские решения»

Державин И.

Ортодокс, или Запретная любовь дочери премьера /
И. Державин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-983271-9

Действие повести происходит в наше время. Между краткосрочником Андреем и студенткой Катей вспыхивает любовь. При знакомстве с ее родителями Андрей с ужасом узнает в ее отце премьер-министра России, с политикой которого категорически не согласен, что и высказывает отцу. Разъяренный премьер выгоняет Андрея из дома и запрещает дочери встречаться с ним, но Катя уходит жить к любимому. Премьер задался целью любыми путями избавиться от Андрея, вплоть до физического устранения, и вернуть дочь... Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-983271-9

© Державин И.
© Издательские решения

Содержание

Иван Державин	6
Ортодокс	7
Повесть	7
Часть первая	8
Из воспоминаний об отцу, убитом под Ленинградом	29
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Ортодокс, или Запретная любовь дочери премьера

Иван Державин

© Иван Державин, 2020

ISBN 978-5-4498-3271-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Иван Державин

**Ортодокс
или
Запретная любовь
дочери премьера**

Повесть

*В чести и славе та держава,
Где правит здравый ум и право.
А где дурак стоит у власти,
Там людям горе и несчастье.
Себастьян Брант*

*Бывают большие любви, бывают маленькие,
Но бескорыстная любовь только одна.
Джонатан Кэрролл*

Часть первая

Глава первая

О смерти деда Андрею сообщил сам командир парашютно-десантного батальона подполковник Воронов. Мать поступила разумно, не дождавшись трех часов дня, когда разрешалась мобильная связь с домом, отправила по электронной почте командиру батальона копию справки о смерти отца, приложив свое письмо к сыну:

«Сыночек, горе-то какое, дедушка твой умер сегодня в четыре часа ночи, когда я на минутку вздремнула. Я ведь совсем не спала последние дни, все боялась за него. А теперь буду каяться всю жизнь. Хотя он уговаривал меня выйти и не смотреть на него, когда он будет умирать.

Сыночек, отпросись у начальства побыстрее приехать, чтобы похоронить дедушку по-людски. Он так тебя любил и до последней минуты о тебе беспокоился.

Сыночек, я даже не представляла, сколько нужно денег на похороны. У меня близко столько нет. К маме его положить не разрешают, говорят, еще не наступил срок, но намекнули, что можно за миллион или чуть меньше, а чтобы похоронить на этом же кладбище – тоже столько же. Одна надежда на тебя, может, ты что придумаешь. Дедушка очень не хотел, чтобы его сожгли

Дедушка очень не хотел, чтобы его сожгли, поэтому об этом я даже говорить с ними не стала. А что делать, не приложу ума, вся извелась и жду тебя.

Сыночек, приезжай скорее, а то говорят, держать долго в морге не будут и отдадут в институт для студентов или похоронят, как бомжа неизвестно где. Целую тебя, сыночек, твоя мама».

Передав письмо и дождавшись, когда Андрей дочитал его, Воронов проговорил, чуть-чуть смутившись:

– Ты извини, я прочитал письмо. Вот что хочу тебе сказать. Прежде всего, отметь всех частных похоронных бандитов. В Москве должна быть городская ритуальная служба, у нее похороны должны обойтись в несколько раз дешевле. Короче, прояви себя, как настоящий мужик и боец ВДВ. Я даю тебе десять суток, отправляйся прямо сегодня, как говорится, с богом. Я распорядюсь, чтобы тебя посадили на проходящую «Ласточку» в 9.45 и в Москве ты будешь около двенадцати дня. Вот тебе тридцать тысяч, десять от батальона и двадцать от меня. И вот что. Не снимай нашу форму, пока не похоронишь деда. Она воздействует неплохо на несговорчивых. Матери передай мои соболезнования, поддержи ее.

Воронов воевал с отцом Андрея в Чечне, не раз спасали друг друга. В последнем бою, оставшись вдвоем, они встали спиной друг к другу и договорились оставить последний патрон для себя. Помощь подоспела, когда у убитого отца остался один патрон, а у тяжело раненого Воронова два. О том, что он жив, обнаружилось в морге по нажимавшему на курок указательному пальцу. На могилу отца он смог приехать лишь через три месяца, привезя двухлетнему Андрею велосипед и бинокль.

Дед по материнской линии Сергей Васильевич был несказанно рад появлению внука и заменил ему отца. Сам он сполна испытал горечь безотцовщины. Ему было шесть лет, когда отец ушел на фронт и погиб в сорок третьем, оставив, помимо сына, еще двух дочерей. Младшая в полтора года умерла от кори в начале войны. Сережка чем только ни переболел, что только ни калечил на себе, не раз смотрел голодными глазами в потолок, ходил в школу в брюках, сшитых матерью из мешковины, а когда они стали непригодны, вынужден был пойти в школу в подаренных кем-то вельветовых бриджах, прикрыв икры ног чулками сестры и просидев все перемены за партой. Но учился хорошо, особенно по русскому языку и литературе,

где имел в основном пятерки. Читать начал рано и, начиная с третьего класса, не вылезал из школьной и городской библиотек. Его первой большой прочитанной книгой был «Тихий дон» Шолохова. В старших классах увлекся стихами молодого Маяковского, не говоря про Есенина, который был для него иконой. Восхищался Пушкиным, но больше ему нравился Лермонтов, и он пытался понять, почему. Последние годы в школе был редактором стенгазеты, писал рассказы, стихи и после окончания школы хотел поступить на факультет журналистики, но, увидев там одних горбоносых и кучерявых и переговорив с отличавшимся от них, понял, что шансов у него нет никаких. Съездил и в юридический институт, где горбоносых и кучерявых было еще больше, и по совету одноклассника поступил в самое техническое пекло – Бауманское училище, где конкурс был для него явно проходным, а специальность – станкостроение – выбрал потому, что из оборудования лучше всего представлял токарный станок. Для него было удивительно, что учился он не хуже других за счет усидчивости до зеленых букв в глазах к утру, оправдывая аббревиатуру МВТУ: «Могила, вырытая трудами ученых», «Молодым войдешь, трупом уйдешь», «Мы вас тут убьем», – и даже получал стипендию, которую платили лишь успевающим студентам, оправдывая еще одну аббревиатуру «Мужество, воля, труд, упорство». 29 рублей, а на старших курсах 42 рубля ему вполне хватало, чтобы получать от матери на столовую, кино, танцы и книги, которые продолжал читать запоем, ставя им в уме оценки по языку и сюжету. То же самое произвольно делал и в музыке, приравнивая композиторов и певцов к поэтам. Все годы учебы также редактировал стенгазету, его рассказы и стихи, как и в школе, выделяли его среди других. На старших курсах он умудрился написать повесть «Пижон» о студенте, подражавшем модной праздной молодежи, но, в конечном счете, порвавшим с ней и едва не погибшим из-за этого. В литературном кружке довольно известного в те годы поэта Сергея Поделкова участники подвергли повесть беспощадной критике за не заслуживающую внимания тему о недостойном внимания парне, когда в стране столько героев войны и труда для подражания. Но для Сергея важным было то, что Поделков положительно оценил язык повести.

На пятом курсе он понял, что станки не для него, все они были для него одинаковыми и мало интересными, иными словами, чужими. Однако у него хватило ума продолжить учебу, а после на работе заниматься, чему душа лежит.

С распределением ему повезло: его направили на крупный московский станкозавод в отдел вспомогательного оборудования, где он неожиданно увлекся созданием насосов, кранов, вентилях и даже написал книжку о смазке станков, ставшую учебным пособием на заводах и в институтах. Но это была работа в рамках его обязанностей, а увлечением по-прежнему была работа в заводской многотиражке и чтение книг.

Вспомнив похвалу Поделкова, он написал повесть о запутавшимся в любви парне, скопированном большей частью с себя. Не обошлось в ней и без критики Хрущева за то, что, разоблачив культ личности Сталина, он сам превратился в «дорогого Никиту Сергеевича», а также за кукурузу, урезание приусадебных участков колхозников и за другие вредные для страны чудачества. Повесть Сергей отвез в журнал «Молодая гвардия». Вскоре его пригласил на собеседование рецензент журнала известный поэт – фронтовик Юртий Белаш. Они встретились вечером на избирательном участке, где Белаш дежурил агитатором. В принципе он повторил оценку Поделкова насчет языка, обратив особое внимание на критику Хрущева, что было недопустимо в то время, и из-за чего повесть не могла быть принята к изданию. Да и начинали многие авторы книг с описания не сентиментальной любви, а трудовых подвигов, к примеру, на Севере или целине. В связи с этим, журнал счел возможным предложить Сергею творческую командировку в Антарктику, если позволит здоровье, а не позволит, – в другое не менее интересное место. Тут Белаш неожиданно поинтересовался, женат ли Сергей. Услышав утвердительный ответ и, что у него недавно родился сын, Белаш пояснил с явным разочарованием в голосе:

– Срок таких командировок не меньше трех лет и, как правило, они заканчиваются разладом в семье, а чаще распадом брака. Так что, подумай, как следует, и позвони мне в понедельник о своем решении.

В тот день была пятница, домой Сергей вернулся, когда восемнадцатилетняя жена уже спала. Рядом в кровати посапывал трехмесячный сынишка. Сергей на цыпочках подошел к ним и долго любовался. Если в электричке он строил радужные планы, то сейчас они моментально улетучились. Бросить их на произвол судьбы он не мог и в понедельник не позвонил Белашу.

После этого он больше не писал, не считая для заводской газеты. К тому времени он проработал уже три года. Дирекция завода для развития экспорта своего оборудования послала его учиться на вечернее отделение Академии внешней торговли. Почти одновременно Партком завода рекомендовал его в Университет международных отношений при ЦК КПСС, готовивший кураторов на предприятиях для развития экономических связей с западными странами. Учитывая, что лекции в университете читались по вечерам, Сергей умудрился закончить одновременно и академию и университет. Кстати, при сдаче экзаменов в МВТУ, академию и университет он был единственным абитуриентом на потоках, получившим пятерку за диктанты по русскому языку. В школе он увлекался немецким языком и даже переводил стихи Гёте и Гейне на русский. В академии появилась возможность усовершенствовать знание немецкого языка, а во время длительных командировок за границу он овладел еще английским и шведским, попутно норвежским и датским языками. За эту возможность стать образованным человеком, не заплатив ни копейки, он по гроб жизни остался благодарным советскому государству.

За границей, куда руководство завода посылало его на несколько лет продавать со склада и обслуживать оборудование завода, как правило, был бешеный ритм, там все подчинялось служению Родине не только поиском покупателей машин, но и развенчиванием стереотипов о советских людях. В этом ему помогала пронзительной красоты жена, производившая фурор тем, что не походила на страшных комиссарш в сапогах и маузером на боку, какими обычно изображали за границей советских женщин. Ему не раз предлагали остаться, суля сумасшедшие оклады, но он и слышать не хотел об этом и отвечал, отчего у них глаза на лоб вылезали: «Лучше смерть, чем остаться здесь». Очевидно, за эту его верную сорокалетнюю службу Родине и за отчаянную попытку уберечь станкозавод от мгновенного разграбления после развала СССР он был покалечен рэкетирами в 1992 году и омоновцами в 1993 году при защите Верховного Совета и превратился в нищего, подрабатывая до самой смерти охраной богатства новых русских.

Развал великой страны и превращение России в холуя Вашингтона Сергей Васильевич воспринял с не заживаемой болью в сердце и не только потому, что в одночасье превратился в нищего. Вместе с ним нищим стал весь русский народ, за исключением кучки проходимцев и воров, в основном не русской национальности, захвативших все бывшее народное богатство. Свое отношение к происшедшим в стране переменам он попытался выразить в повестях, избрав для большего привлечения читателей детективный и фантастический жанры. Первую его повесть самое солидное издательство согласилось напечатать при условии, что он выбросит всю политику. Делать это сам он отказался, – все равно, что выбросить свое дитя, – и предоставил это редакции, наивно надеясь получить известность после выхода первой книги и печататься в дальнейшем без правок. Когда же повесть вышла под другим названием и обескровленной настолько, что ему было стыдно за нее, так как она мало чем отличалась от наводнившего прилавки магазинов чтива, он больше не связывался с издательствами и печатал свои книги лишь в интернете. Но и там ему не раз ставили заслон, ссылаясь на нарушение существующих законов или, иными словами, цензуры.

Глава вторая

Сергея Васильевича очень волновала судьба внука, за которого приходилось платить в детсаду и школе. А впереди еще институт. Невольно на ум приходило сравнение с собственным детством. Даже в военные годы, когда он пошел в школу, государство обеспечивало его всем необходимым для учебы: учебниками, тетрадями, ручками. А уж что говорить про мирное время, когда в подвалах домов работали бесплатные всевозможные кружки умелых рук, обучения игры на музыкальных инструментах. Сережа пробовал играть на балалайке, видя, как ловко играла на ней мама, но быстро понял, что бездарен, и отправился в кружок пения. Оттуда еще быстрее он перешел в кружок балльных танцев и остался там надолго. Посещал он и шахматный, и шашечный и волейбольный кружки, но остановился на футболе, получил спортивный разряд, играя за юношескую городскую команду в чемпионате Московской области. Такие бесплатные кружки остались в капиталистической России лишь воспоминанием. Они были, но плата за них делала их для многих недоступными, в том числе и для Андрея.

Чтобы Андрей не ошибся в выборе профессии, Сергей Васильевич с самого детства пытался выявить его призвание и находил много схожего с собой, а именно, тягу к гуманитарным знаниям, а не к технике. Его радовало, что у внука была хорошая память, в три года он на слух запомнил «Бородино» Лермонтова, а чуть позже и «Мцыри». В пять лет, когда была напечатана книга деда, начав читать ее по слогам, он к концу читал уже свободно. И был первым читателем всех остальных книг деда, впитав в себя с детства его мировоззрение и взгляды. Нередко у них возникали споры, так как взгляды деда, как правило, противоречили тому, чему Андрея обучали в школе. Сергей Васильевич с большим интересом читал учебники по истории и литературе и, скрывая бушевавшую ярость, терпеливо опровергал внуку либеральную ложь о Великой Октябрьской Социалистической Революции, гражданской войне, советской власти, подтверждая утверждения трудами ученых и неоспоримыми фактами. Постепенно он стал замечать, что учившийся с первого класса в основном на пятерки Андрей, начиная с восьмого класса, стал все чаще приносить по истории и литературе тройки и даже двойки. Он не без труда выяснил, что виноваты в этом навеянные им внуку взгляды. Не привыкший с детства хитрить, Андрей стал противоречить учителям, высказывая свою точку зрения на те или иные исторические события, произведения, на политических деятелях и писателях. Например, по истории он категорически отказался называть Ленина немецким шпионом, а Сталина палачом и тираном. Двойку по литературе за четверть он получил из-за «Архипелага Гулага» Солженицына, назвав писателя лжецом. Конфликты с учителями усугублялись еще и тем, что несколько раз Андрей не вовремя приносил в школу требуемые поборы за обучение из-за того, что в семье не было денег. Остро встал вопрос о выборе профессии и дальнейшей учебе. Об отличном аттестате при этих самых преподавателях по истории и литературе речь уже не шла, при них тройка в аттестате будет желанной отметкой. Сложнее был другой вопрос: куда пойти после окончания школы? Технические вузы, как и в свое время деда, Андрея мало интересовали. Бизнес и экономика тоже. Но главной проблемой была плата за учебу, так как у них не было денег. Они просмотрели все бесплатные вузы и поняли, что шансов попасть туда у Андрея практически нет. Проблему решил он сам. В интернете он отыскал полиграфический колледж с двадцатью пятью бюджетными местами, куда принимали девятиклассников после сдачи экзаменов по русому языку и литературе. Туда он и отнес документы. Будучи единственным, не окончившим подготовительные курсы при колледже, он один получил пятерку по диктанту, блестяще ответил на устном экзамене по русскому языку, а по литературе поразил экзаменаторов знанием стихов Лермонтова. Его даже спросили, почему он не пошел в литературный или педагогический институты. Он ответил, что в издательствах будет много книг для чтения. А деду объяснил свой выбор именно этого колледжа желанием, во что бы то ни стало, издать собрание всех его сочинений. К тому же работа в издательстве связана с новин-

ками литературы, чем он всегда будет интересоваться. Привлекало еще и то, что выпускники колледжа имели преимущества при поступлении в вузы этого профиля.

Учился Андрей легко, несколько раз получал повышенную стипендию и после окончания колледжа в числе льготников поступил на бюджетное место в университет печати на издательский факультет. Вначале и там все шло нормально, пока он не стал высказывать свои взгляды на существующий в России капиталистический строй. А однажды на втором курсе назвал его на экзамене антинародным, за что получил отрицательную оценку. Пересдал с трудом, прикусив язык. Однако попал под пристальное внимание ректората. Второй курс, как и первый, он закончил отлично, претендуя на повышенную стипендию, однако, по непонятной причине на этот раз ее не получил. Протестовать не стал, чтобы вновь не обратить на себя повышенного внимания руководства факультета. И все же обратил, когда в начале третьего курса из полиции пришла бумага о его задержании на митинге седьмого ноября с самодельным плакатом «Вернуть народу награбленное!». В бумаге стандартно было описано оказанное им сопротивление полицейским, одному из которых он будто поранил руку и оторвал пуговицу у мундира. Но полиция, не желая навредить репутации известного учебного заведения, не привлекла Андрея к суду, а передала его дело на решение руководства института, о чем попросила информировать полицию. Руководство решило так, как надо, подгадав под осенний призыв в армию. Пока он раздумывал, как объяснить дома, почему перестал ходить в институт, ему принесли повестку в военкомат. Молчаливый упрек был в глазах матери, а дед даже попытался успокоить:

– Ты же будешь служить не строю, а народу. А это святая обязанность каждого русского человека. Правильно сделал, что напросился в десантные войска. Вернешься домой возмужавшим, физически окрепшим и волевым. Это тебе пригодится в этой бандитской жизни. Постарайся отслужить без... – Сергей Васильевич задумался, подыскивая подходящее слово, – скажем, без нарушений воинской присяги, суть которой заключается все в том же служении народу. И постарайся, учитывая армейскую специфику, отслужить без закидонов, как в институте. Мог бы и потерпеть до конца учебы. Но что произошло, то произошло. Даже, может быть, полезно.

Вот таким был у Андрея дед или, как он называл его с детства, деда, которого больше не увидит живым и не услышит.

Дед же и предложил внуку попросить в военкомате направить его в часть спецназа ВДВ, где служил его отец. По интернету они узнали, что в такие войска Андрей не подходил по росту, не дотягивая полтора сантиметра до требуемого минимума в 175 см и целых семь килограмм до нижнего весового предела в 75 кг. Тут неожиданно выручила мать, обзвонившая друзей мужа по училищу и Чечне. Один из них, Воронов Михаил Иванович, служил в ВДВ во Владимире. Выслушав мать, он велел Андрею приехать к нему, что тот и сделал за три дня до прибытия на призывной пункт с вещами. Воронов в должности подполковника, высокий, широкоплечий, с усами, которые замечаешь не сразу, настолько они были ему к лицу, словно он родился с ними, и также ему очень шла военная форма, встретил Андрея, как родного сына, не раз повторяя, что он очень похож на отца. Это, однако, не помешало ему устроить изнурительную проверку физического состояния Андрея. Как тут не сказать спасибо деду, заставлявшего внука с детства принимать по утрам холодный душ, подтягиваться на турнике, бегать на лыжах, играть в волейбол и футбол и год ходить в кружок самбо до перелома руки. Воронов остался доволен Андреем, а узнав, что он увлекается литературой и умеет неплохо рисовать, направил в военкомат по месту жительства Андрея запрос на направление его на срочную службу в их батальон. Там Андрею в приказном порядке поручили выпуск стенгазеты батальона, дополнив позже художественным оформлением комнат отдыха рот. Андрея это привлекло дополнительным свободным часом, который он использовал не в ущерб своим прямым занятиям по службе. За полгода он не дотянул всего полсантиметра до метра семидесяти пяти

и потяжелел на четыре килограмма, оставшись по сравнению с другими по-прежнему юношески миниатюрным.

Погода в это лето сошла с ума. Вопреки утверждению о глобальном потеплении, что подтверждалось частыми бесснежными зимами, лета в этом году фактически не было. Температура ни разу не поднималась выше двадцати градусов, и Андрей забыл, как выглядят яркие солнечные лучи. Вот и Москва, куда он прибыл под вечер, его встретила холодным промозглым воздухом и сливавшимся с мокрым асфальтом небом.

Домой он приехал около двух. Матери дома не было, скорее всего, сидела с кем-нибудь их двоих детей в качестве репетитора или гувернантки, в зависимости от возраста детей. До ее прихода он искупался, сходил в магазин и перед фотографией деда помянул его. С полки настенного шкафа в коридоре он достал альбом деда, собранный из его старых фотографий. Из довоенных сохранились лишь две фотографии. На одной лопухий с надутыми щеками в майке и штанишках на помочах, деда сидел на трехколесном велосипеде перед сестрой в цветастом сарафане. Ему было года три, ей лет пять. На второй фотографии, он с сестрой, положившей руку на его плечо, он стоял возле сидевшей на стуле матери с младшей дочерью на коленях. Судя по возрасту младшей сестры, умершей от кори во время бомбежки осенью сорок первого, и по распустившимся цветам, их сфотографировали непосредственно перед войной. Отец, как и положено, был на работе, зарабатывая на пропитание немалой семьи. Из военных фотографий сохранилась лишь одна: учеников второго класса, сделанная в ноябре сорок четвертого года. Немцев уже гнали к Германии, и на лицах детей появились первые жизнерадостные улыбки, на лице девятилетнего деда ее еще не было. Она появилась на первой и единственной его послевоенной фотографии в день вступления в комсомол первого декабря сорок девятого года. В тот же день он был избран секретарем первой комсомольской организации школы. С тех пор до убийства СССР он постоянно избирался в комитеты и бюро комсомола и партии, выполняя поручения работой в стенгазетах.

Пришедшую мать он едва узнал. Одета во все черное и с черной окантовкой на голове она показалась ему меньше ростом и много старше из-за горьких складок в углах губ и морщин у края глаз. Обняв и поцеловав ее, Андрей выложил тридцать восемь тысяч, из которых к тридцати тысячам части и Воронова восемь добавили ребята. Вместе с двадцатью двумя тысячами матери набиралось шестьдесят тысяч. Она сказала, что от кого-то слышала, что пенсионеров в Москве хоронят бесплатно. Чтобы уточнить, Андрей сел за компьютер и узнал, что на похороны пенсионеров выдается пособие 16965 рублей, но после похорон. Он также уяснил, что подзахоронить к бабушке, умершей двенадцать лет назад, можно будет только через два года. Тут он вспомнил, что у его друга Валеры, который жил в соседнем подъезде, три года назад умер дед, и он мог многое подсказать, как уже подсказал матери отправить в часть справку о смерти деда. Валера был еще на работе и собирался прийти к матери в восемь, но, услышав голос Андрея, пообещал отпроситься.

Их разговор по телефону прервал звонок в дверь. За ней стояли двое: гладко выбритый пожилой и с бородкой молодой, оба в черных костюмах. Андрей сразу догадался, кто они, и даже обрадовался их приходу: сразу все уточнит. Усевшись на стул в гостиной за столом, пожилой вынул из висевшего на плече кожаного портфеля очки с блокнотом и приступил к опросу: желаемое кладбище, платное, родственное или социальное место, если платное, то на сколько человек, какой гроб и... – но на этом был прерван Андреем, спросившим о шансах захоронения деда рядом с бабушкой. Сходу приврав на пять лет установленный в Москве срок захоронения в родственную могилу, пожилой назвал девятьсот тысяч за захоронение в могилу жены. «Такая возможность найдется», – заверил молодой. Андрей сказал, что подумает и поинтересовался, во сколько обойдутся похороны без учета вышеуказанной суммы. Они положили

перед ним, как они сказали, типовой преискурант, в том числе тридцать тысяч на макияж лица, 90 тысяч на отпевание в храме и 70 – при морге. И на это Андрей сказал, что подумает. Молодой ответил, что думать некогда, так как переговоры с руководством кладбища могут затянуться, а с учетом того, что на заказ отпевания требуется три дня, то можно не уложиться в пятидневный срок содержания трупа в морге. Поэтому необходимо сегодня подписать договор с агентством. «Вы же не хотите, чтобы труп отправили к бездомным», – пригрозил он, отчего мать испуганно ахнула.

– Хоронить вам все равно придется, – сказал пожилой, раскрывая блокнот. – Сейчас мы оформляем заказ и приступаем к работе. Если вдруг не получится с похоронами в могилу жены или рядом, найдем другой вариант. Мне нужны паспорт умершего и справка о смерти.

– Спасибо вам за разъяснение, – сказал, поднимаясь, Андрей. – Оставьте свой номер телефона. Если вы потребуетесь, я вам позвоню.

Ему чуть ли не силой пришлось их выпроваживать. За дверью молодой пообещал, что без них дед не будет похоронен на бабкином кладбище. Его спасло, что бросившийся на него Андрей споткнулся о порожек двери и врезался в перила лестницы. Выпрямившись, он услышал стук двери вниз.

Вернувшись в квартиру, он поинтересовался у матери, был ли у нее разговор с дедом об отпевании. Об этом они не говорили, но о своем крещении в годы войны он рассказывал не раз. Из его автобиографической повести Андрей знал, что деда был материалистом и не верил в сотворение мира богом, но это, по его мнению, не являлось препятствием отпеванию. Словно прочитав его мысли, мать сказала:

– Отпевать папу обязательно надо. У нас, русских, так заведено испокон веков. Когда маму отпевали, папа крестился. Ты должен помнить.

– Я разве возражаю? Я тоже материалист, но не против и моего отпевания.

– Чтобы я таких слов от тебя больше никогда не слышала, – рассердилась мать.

Валера пришел с бутылкой водки и с двумя солеными огурцами. Андрей его знал с детства. Валера был старше на два месяца, родился на килограмм тяжелее и на четыре сантиметра длиннее. Эта разница в росте у них так и осталась, а в весе увеличилась килограмм на двадцать. Учились они в одном классе, Андрей был нештатным репетитором Валеры по всем предметам. После перехода Андрея в колледж, Валера с трудом окончил школу, в институт не поступил и пошел работать в автомастерскую, куда и вернулся после армии. Книг и газет он почти не читал, в интернете, который освоил вплоть до ремонта на зависть Андрею, в основном смотрел фильмы и играл в Косынку. Летом все выходные проводил на даче, где любил заниматься овощеводством. Вместе с отцом строил баню, кухню, беседку. Короче, был мастером на все руки.

Пока мать готовила им еду, Андрей рассказал Валере о приходе ритуальщиков. Валера заверил, что названные ими суммы смело можно уменьшить в полтора – два раза, если вести дело напрямую с работниками кладбища и даже с городской ритуальной конторой. Андрей сказал, что и этих денег у них нет, в связи с чем, возможно, придется срочно разменять их трехкомнатную квартиру на двухкомнатную или продать дачу.

– Чего? – вытаращил серые со стальным отливом глаза Валера. – Умом тронулся? Твой дед в гробу перевернется. Завтра все решим. Ты лучше вот, о чем думай: что будешь делать с Ленкой? Ты ей звонил?

– Когда? Не успел.

– Когда последний раз с ней разговаривал?

– Недели две назад.

– О том, что собирается отдыхать на Кипре, говорила?

– Нет, не говорила.

– Понятно, почему. Потому что едет туда с ёбарем. Ой, тетя Поль, извините. А по-другому я не знаю, как его назвать.

Но вошедшая за ними мать могла и не обратить внимание, глядя на расстроенное лицо сына, но Валера помахал ей пальцем, чтобы она сейчас его не трогала.

Утром Валера появился в девять и велел Андрею оставаться в армейской форме, пояснив, что она нужна для устрашения. Он также заставил Андрея под китель надеть теплый свитер. Сам он был в довольно теплой куртке. На кладбище они поехали в знакомом Андрею старом сером под цвет Валериных глаз Логане. На кладбище они не сразу пошли в контору, а сначала сходили на могилу. Подойдя к ограде, Валера радостно воскликнул:

– Твою мать! Да она почти двухместная. Дед у тебя был не только умный, но и с соображалкой. Погрусти-ка здесь один, а я разведую.

Он ушел, а Андрей заглянул в справку бабушкиной могилы. В ней ничего не было сказано о том, что она на двоих. Но площадь ограды действительно была не для одной могилы. Его мысли прервал приход Валеры с парнем азиатской внешности. При виде Андрея в парадной военной форме, парень непроизвольно выпрямился и с уважением уставился на значки и регалии.

– Ну, что скажешь? – набросился на него Валера. – Ты видишь, сколько тут свободного места? Хоть в могилу, хоть рядом. Похороны послезавтра. Кому деньги давать? Тебе?

Парень перевел глаза на бумаги в руках Андрея и протянул руку. Андрей подал справки на могилу и о смерти деда. Парень сравнил обе фамилии и, оглядев ограду, обмерил ее шагами. Еще раз взглянув на грудь Андрея, он вернул справки и сказал:

– В справка нет два могила. Один.

– Ну и что? – набросился на него Валера. – Дед, что, сам надумал сделать ограду на двоих? Почему не сломали, если он нарушил? Он за это заплатил таким, как ты. Короче, я тебе, блин, уже говорил, что внук покойника – чемпион по каратэ, и у него здесь десять таких же бойцов. Я тебе не позавидую. Говори, сколько? – показал Валера пальцами мани.

Парень кивнул головой с черными, как тушь, волосами и пошел к выходу. Ребята последовали за ним. В конторе парень долго что-то говорил такому же чучмеку, только старше и пузатому, на их тарабарском языке, показывая взглядом на Андрея. Пузатый долго смотрел на Андрея воловьими глазами и вдруг наклонил вниз голову в знак почтения.

– Ну чего? – спросил Валера. – Что решили? Сколько?

– Не имеем права, – сказал пузатый почти женским голосом на чистом русском. – Справка на одно место. До захоронения не хватает года и восьми месяцев.

– Это мы знаем, поэтому и пришли. Нельзя сверху, клади рядом, места хватит хоть слева, хоть справа. Я спрашиваю, сколько? Андрей, выйди. – Вместе с Андреем вышел и парень. Валера пояснил. – Он внук покойного. Я его друг с детства. Отец у него погиб героем, и умерший дед заменил отца. Сам он сейчас немного не в себе, поэтому я взял все на себя. Мать у него подрабатывает нянькой. Я рабочий. Ты понял, да?

Чучмек взял со стола лист бумаги и, написав, показал Валере. Увидев цифру 300000, обрадованный Валера выпятил для показа недовольства нижнюю губу и, подойдя ближе, написал на ладони 200000. Пузатый сморщился, приподнял кепку, почесал лысеющий затылок и исправил 30 на 25. Еще более обрадованный Валера с трудом скосоротился, тоже почесал затылок и открыл было рот, чтобы сказать, включая катафалку, рытье могилы и захоронение, но решил не мелочиться из-за двенадцати тысяч по прейскуранту на стене и кивнул.

Чтобы убедить Андрея, что вопрос решен, Валера не стал сам платить за рытье могилы, а велел ему. Тот на радостях добавил оформление могилы еловым лапником, но пузатый вдруг сказал, что лапник он дарит. Андрей рассыпался в благодарности. Лишь в дороге Валера сказал ему о двухстах пятидесяти тысячах. Радужное настроение Андрея, как рукой, сняло.

– Где я достану столько денег? А еще гроб, поминки. У меня только шестьдесят тысяч.
– Вот и думай, где достать деньги. Возьми в кредит, займи у кого-нибудь, например, у меня. А чего? Я могу тебе одолжить тысяч триста, если, конечно, под пятнадцать процентов.
– Что, правда, дашь? – обрадовался Андрей. – Я, ей-богу, отдам, как только смогу.

Валера засмеялся:

– Ты даже приврать не можешь. Кто же говорит, как только смогу? Соврал бы, что обязательно расплатишься после дембеля. К апрелю, например, когда я буду менять машину, вернешь, сколько сможешь. Насчет процентов я пошутил. Ты и это проглотил.

Домой они вернулись, застав мать разговаривавшей по телефону с еще одной частной похоронной фирмой, угрожавшей передать тело отца в мединститут. Увидев сына, она передала ему трубку. Андрей выслушал угрозы и ответил:

– Если ты, козел, еще раз позвонишь сюда, я тебя разыщу и вырву яйца. Ты меня понял?

Через секунд десять другой мужской голос ответил:

– Если тело Дроздова Сергея Васильевича не будет забрано из морга до девяти часов утра 7 августа, оно будет отвезено в один из медицинских центров, а в какой, ты сроду не найдешь.

Услышав гудки, Андрей сказал Валере:

– Едем в морг.

– Вы хоть покушайте, – взмолилась мать.

Они послушались и сели за стол. Пить было нельзя, и они смиренно поели суп и котлеты, запив компотом.

Перед поездкой в морг, Валера сбегал домой за сберегательной книжкой, с которой снял триста тысяч, оставив три тысячи, чтобы не закрывать счет. Пятьдесят он отдал Андрею, а двести пятьдесят для надежности отвез домой.

В морге дверь им открыл в синем халате санитар, коротко стриженный, лет двадцати пяти. Вглянув в справку, он провел их в полутемный зал с накрытыми простынями покойниками с бирками на открытых пятках. Дед лежал в дальнем ряду. Как только санитар откинул простыню с его головы, Валера отвел его к двери, сказав, пусть внук поплачет.

Оставшись наедине с дедом, Андрей долго смотрел на родное лицо, еле сдерживая слезы. Он не знал, вслух ли сообщил деду, что положат его рядом с бабушкой, чтобы вдвоем им было не так грустно. А еще он поклялся продолжить его дело по возврату России в социально справедливый строй, воплощением которого является социализм.

А санитар сразу стал рекомендовать Валере лучшую в Москве ритуальную фирму, которая может похоронить на любом кладбище города. «И на Ваганьковском тоже?» – спросил Валера. Нисколько не смутившись, парень ответил, можно лимонов за двадцать. «Не, – покачал головой Валера, – двадцать друг не потянет. Тогда придется хоронить на Новодевичьем кладбище, где он сговорился за шестнадцать лимонов». Санитар не знал, верить или смеяться над шуткой Валеры, но, услышав, что послезавтра труп будет забран, сделал вид, что повел и спросил насчет макияжа, и в этот момент невесть откуда появился стриженный наголо парень и потребовал у Валеры справку с кладбища, где будут похороны. Валера молча взял его за шкурку и вывел за дверь. От полного макияжа лица деда, за который санитар потребовал тридцать тысяч, ребята отказались, так как лицо покойного не было искажено и сохранило черты при жизни. Санитар, узнав, что деда хоронят в могилу жены и не на Новодевичьем, а на простом кладбище, спокойно согласился на упрощенный макияж, за что и за обмыв с одеванием ему тут же заплатили шесть тысяч. Белье и костюм с туфлями ребята пообещали привезти завтра утром. Повеселевший санитар рассказал им про ритуальный магазин и прощальный зал при морге, где проводят, при желании, отпевание. В магазине ребята заказали приличный гроб с большим венком от дочери и внука. Посетили они и прощальный зал, кото-

рый им понравился. Андрей позвонил матери, описал зал и поспросил ее согласия на отпевание в нем, а не в церкви, где надо заказывать за три дня. Получив согласие, они заказали отпевание на одиннадцать часов утра.

Мать, узнав, что все вопросы улажены, словно сбросила пуд груза с себя. То, что отец умер, она к этому была в какой-то степени готова, ее сломило то, что она не сможет положить его рядом с мамой, да и вообще похоронить по-человечески, не имея на это средств. Только теперь она могла заняться приглашением родных и знакомых на похороны отца. В Москве их было раз – два и обчелся: его двоюродный брат с женой и двумя сыновьями, двоюродная сестра в Ярославле, а из друзей она знала лишь двоих, одного по Бауманскому институту и одного по работе на заводе. Много виртуальных друзей у него было по интернету, но их не пригласишь. Алешины родные, с которыми отец постоянно перезванивался, жили в Донецке, где сейчас шла война, и они вряд ли смогут оттуда вырваться. Им она позвонила еще вчера, они очень расстроились, пообещали приехать, но не знают, как это у них получится.

Обзвонив всех, она насчитала в лучшем случае, включая соседей, семнадцать – двадцать человек и приступила к приготовлению стола для поминок.

Из Донецка на похороны так никто и не смог приехать, у них опять снаряд угодил во двор. Не смог придти и дедов друг по институту, лежавший в больнице, зато от работы приехали двое. В морге были все, На отпевании уже меньше, а на кладбище поехали лишь девять человек. Ни в морге и ни на кладбище прощальных речей не было, кроме «Прощай, пусть земля тебе будет пухом». К своему огорчению, Андрей сделал вывод, что никто из присутствовавших, кроме него и матери, не читал деда. Поэтому и говорить им о том, что дед был настоящим коммунистом и патриотом России он не видел смысла и, поцеловав деда в лоб, лишь проговорил:

– Прощай, деда. Спи спокойно. Я тебя никогда не забуду и не подведу.

Он бросил щепотку земли на гроб и кивнул могильщикам. Когда они подравняли холмик могилы и приложили венок к стандартному надгробию, он сказал матери:

– Ма, ты иди со всеми к автобусу и увози их. Я поеду с Валеркой. Побуду с дедой наедине.

Оставшись один, он опустился на колено перед фотографией деда и долго вглядывался в его лицо, пытаясь восстановить его живым. Дед не был фотогеничным и всегда получался на фотографиях хуже, чем в жизни. Но на этой фотографии, когда ему было лет сорок пять, он выглядел по мужски красивым и именно таким остался в памяти Андрея.

– Деда, ты меня прости, что я не был с тобой в последнюю твою минуту на земле. Я нес службу Родине, а это, как ты говорил, святое дело. В этом я тебя не подвел и не подведу. Книги твои я там изучил и обещаю тебе отстаивать идеи социализма в России. В этом смысле считай, что ты остался здесь. Так что лежи спокойно и пусть земля тебе будет пухом. Я, как и ты, материалист, но будучи, как и ты, православным христианином и крещеным, доволен, что тебя отпели в церкви, может, это облегчит твое там пребывание. Ты ушел, но остался с нами. Нас ты тоже там не забывай. – На глазах Андрея навернулись слезы. Он смахнул их и проговорил, подетски, шмыгая носом. – Деда, мне тебя будет очень не хватать. Ты для меня был и останешься на всю жизнь путеводной звездой. Я даже...

От звука чего-то упавшего рядом он замолчал, словно споткнулся. Повернув голову, увидел рядом раскрытый бирюзовый продолговатый кошелек, а на дороге – двоих парней. Один, длинный и худой в синей куртке и кепке с большим козырьком, нагнувшись, рассматривал с разинутым от радости ртом, что-то в руке, а другой, пониже, но толстый в груди и в плечах, коротко стриженный, в черной толстовке, тянул длинного за куртку, оглядываясь по сторонам.

Андрей, не поднимаясь с колена, поднял кошелек. Похожий на материн в размер купюр и с множеством карманов для платежных карт, этот кошелек был ярче и дороже. Ни денег, ни

платежных карт в нем не было, лишь в закрытом молнией карманчике оказался студенческий билет, принадлежавший глазастой Волковой Екатерине Анатольевне.

Вернув билет в кошелек, Андрей сунул его в карман куртки и поднялся, но тут же пригнулся, услышав смех. Сквозь кустарник он увидел тех самых двоих парней, сидевших через две могилы к нему спиной. Повернувшись друг к другу, они, захлебываясь от удачи, изучали, как Андрей догадался, содержимое кошелька.

– Ни хера себе, бля! – восхищался высокий приглушенный голос, скорее всего, длинного. – Это сколько же? Восемнадцать по пять тыщ и тыщ полно. О, бля, а это евро, я их живыми не видел. Это сколько же в рублях? Смотри, бля, еще и пять платежных карт, про визу я слышал, а про эти нет. Как делить будем?

– Растопырь карман шире, – возразил басистый голос. – Магнита в машине забыл? Ложь все, ёпть, в кучу. На хера, спрашивается, выбросил кошель?

– Ага, чтобы с ним зашухарили?

Андрею все стало ясно, и, сказав себе: «Деда бы мне не простил, отец тоже», – он приподнялся и перебежками, прячась за кусты и памятники, приблизился к вора или бандитам. Первым его увидел парень в толстовке. С криком «Атас!» он вскочил и, выхватив из руки длинного деньги, отпрыгнул в сторону. Приблизившись к нагнувшемуся за упавшими на землю купюрами и платежными картами длинному, Андрей рубанул его ребром руки по тонкой шее. Не глядя, как тот стал валиться на землю, он перешагнул через лавку и, подобрав валявшиеся на лавке и земле купюры и карты, направился ко второму вору или бандиту, остановившемуся у соседнего памятника и засовывавшего за пазуху толстовки деньги. Когда Андрей оказался от него в двух шагах, вор по – бандитски выбросил ему навстречу руку с ножом. Такой вариант на учениях в армии не раз прорабатывали, правда, с картонными ножами, от которых ран не было. Андрей принял стойку и попытался выбить нож ногой. Но вор увильнул, гыкнув и показав в усмешке боксерскую прореху в зубах. Он был не намного выше ростом, но весил килограмм на тридцать больше. Но в армии Андрея научили вступать в бой с любым противником, даже с таким амбалом. Тот об этом не знал, так как Андрей был в штатском, и, не погасив усмешку, крикнул напарнику:

– Банан, ёпть, хватит валяться! Очухивайся! Быстро валим отсюда!

Невольно обернувшись на длинного, по-прежнему лежавшего неподвижно на земле, Андрей сделал несколько обманных движений. Амбал все с той же щербатой усмешкой переложил нож из правой руки в левую и тоже завил телом, играя ножом, и держа наготове правую руку. Андрей изловчился воткнуть левую ногу в пах бандита и одновременно нанести, что было сил, удар кулаком в челюсть. Ему показалось, что он ударил самого себя, отчего на метр отлетел в сторону. А вот, как он получил второй удар в затылок, отчего у него потемнело в глазах, он не сразу понял. Лишь, протерев глаза и увидев за спиной высокий мраморный крестообразный памятник, он догадался, отчего. Он потрогал затылок и заскрипел зубами от пронзительной боли. Встряхнув осторожно головой, он медленно поднялся и увидел тоже с трудом поднимавшегося с широко расставленными ногами амбала. Сил у Андрея не было подскочить к нему. Он подошел, когда тот уже поднялся и принял боксерскую стойку, поглядывая по сторонам в поисках ножа. Андрей вынул из кармана наугад несколько купюр и бросил под тумбовые ноги. Бандит попытался поймать хотя бы одну из них, этого оказалось достаточно, чтобы Андрей обрушил на его голову серию ударов обеими ногами, завершив двумя ударами локтем по спине. Нож он нашел совсем рядом. Амбал оказался весом за сто, и Андрей выдохся, подтаскивая его к лавке. Сняв с него ремень и пристегнув руки к ножке лавки, он повернулся к длинному и встретил его взгляд. Приложил нож амбала к его горлу, он спросил:

– Где и у кого ты украл кошелек?

Длинный скосил взгляд на лежавшего неподвижно напарника и повел головой в сторону.

– Далеко отсюда? Номер участка?

- Номер не знаю. Участка три отсюда.
- У кого ты украл кошелек?
- У одной небольшой девки.
- В чем она одета?
- В красной куртке и с красной сумкой.

Андрей выпрямился, посмотрел в указанную вором сторону. Он решил не привязывать длинного к лавке, а отвести на место кражи, связав ему руки. Он повернул голову к ворю, нагнулся над ним, чтобы посмотреть, есть ли у него ремень, и увидел, как тот вонзает ему в левый бок нож. Превозмогая боль, Андрей кулаком по голове, ребром руки по шее и локтем по спине вновь вырубил бандита. Ремня у того не оказалось. Андрей осторожно, не касаясь рукоятки торчавшего из бока ножа, снял свой и привязал руки бандита к ножке лавки с другой стороны. Добавив обоим бандитам по удару локтем, он спрятал нож амбала в кустах и только тогда вынул нож из себя, зажав левой рукой рану, из которой хлынула кровь. От резкой боли у него потемнело в глазах. Превозмогая ее, он положил нож на столик, где оба бандита не могли его достать, и направился в указанную длинным сторону. Бандит не наврал. Группа девушек стояла у свежей могилы. Андрей, шатаясь, подошел к невысокой девушке в красивой красной куртке с золотистой окантовкой и красной сумкой через плечо, тронул, а скорее вцепился в ее рукав и протянул кошелек со словами:

- Твой, красавица?

Она отпрянула от него, но, увидев кошелек и руку в крови, округлила глаза и спросила удивленно – испуганно:

- Откуда он у вас? Ой, у вас кровь!

– Вот, возьми. Его у тебя украли. Воры лежат на участке 278 недалеко от свежей могилы моего деда Дроздова Сергея Васильевича. Там и ножи. По звони в поли...

Не договорив, он стал опускаться на землю, цепляясь за девушку. Последнее, что он увидел, были ее испуганные глаза над ним.

Глава третья

Эти же круглые глаза, только усталые и грустные, устремленные беспечно в пол, он увидел, очнувшись на больничной койке. Он вспомнил, что это были глаза девушки в красной куртке, а лицо ее не помнил, но судя по глазам, это была она, и он стал ее рассматривать. Он вспомнил, что назвал ее красавицей, наверное, потому что была она вся такая яркая, модно одетая, выделяясь этим среди других. А сейчас красавицей она явно не была. Может, потому, что сидела на стуле, по-старушечьи согнувшись, опершись щекой о руку, сдвинув маленький нос и скривив бесцветные губы. Волнистые волосы, спадавшие на плечи, были включены на голове, словно, она только что сняла капюшон. Единственное, что приближало лицо к красоте, были уже угасавший загар и длинные темные ресницы.

- Их взяли? – слабым чужим голосом спросил он.

– Кого их? – вздрогнула она, устремила глаза на него, лицо ее моментально преобразилось, засияв, словно долина, над которой выглянуло долгожданное солнце из-за туч, она вскочила, устояла на него, обернулась на дверь, опять повернулась к нему и только тогда пришла окончательно в себя. – Ой, вы очнулись? Да, да, их взяли. И ножи нашли и еще деньги и «визу». Спасибо вам большое. Я так рада, что вы очнулись. – На ее глазах блеснули слезинки.

- Где я?

– В больнице. Сейчас ваша мама придет. Я не представляю, как она будет рада. Вы четыре дня были в коме. Я сейчас позову врача.

- В дверях она столкнулась с матерью и радостно сообщила:

– Полина Сергеевна, он очнулся. Я так рада. Я бегу к врачу и убегаю. А завтра я обязательно приду.

От вида еще более постаревшей матери Андрею стало не по себе, он попытался подняться и от боли в боку опять отключился. Сквозь пелену он слышал разговор:

– Он действительно приходил в себя? – спрашивал мужской голос. – И разговаривал?

– Он разговаривал со мной, – это был голос девушки.

– И я видела его глаза, – подтвердила мать.

Послышались приближавшиеся шаги, один глаз Андрея открылся, и он увидел мужское лицо с аккуратной бородкой.

– Похоже, вы правы. Не отходите от него. Как только опять придет в себя, сразу зовите меня. А ты перед уходом зайди ко мне.

Шаги, стук двери.

– Полина Сергеевна, я должна уйти. Завтра я приду. Постараюсь к трем, чтобы вы выпались. Я буду вам звонить. Если очень будет надо, приду, когда скажете. Звоните по расписанию. До свидания, Полина Сергеевна. И ты, Андрей, до свидания. Выздоровливай.

– До свидания, – ответил он.

Тишина.

– Полина Сергеевна, вы слышали? Или мне послышалось?

Андрей хотел подтвердить, но хватило сил лишь шевельнуть губами. Окончательно он пришел в себя под утро.

– Давно бы так, – сказал бородатый врач знакомым голосом. Он оказался совсем не старым, лет сорока, с очень приятным лицом, но не славянином, скорее всего, азербайджанцем или узбеком. – А то напугал всех, особенно нас, врачей. Мы не могли понять, отчего ты потерял сознание: от травмы головы или от большой потери крови. Саму рану и одну кишку мы тебе заштопали. Боялись комы, которая может длиться месяцами и годами. Но, слава богу, можно уже сказать, не ошиблись в лечении. Человек ты, говорят, военный, герой, так что скоро поправишься. Тем более у тебя такие мама и невеста. Про маму я не говорю, она мать. А невеста твоя молодец. Не каждому с такой везет. Как мне, например. О такой любви я двадцать лет только мечтаю. Боюсь, что так холостяком и умру. Ее уже обрадовали? – спросил врач маму. Русский язык у него был безукоризненный.

– Сейчас позвоню, – засуетилась она, открывая сумку.

Доктор поднялся и поинтересовался:

– Она сегодня придет?

– Обещала придти к трем.

– Передайте ей, чтобы зашла ко мне. А вы вот что. Кормят у нас не по – ресторанному или, мягко говоря, неважно, хотя для больных достаточно. Было бы полезно, если бы вы приносили ему дополнительно детское питание, йогуртики, например, куриный бульённый, сок ананасный. Это сегодня и завтра, а потом можно будет и борщ с бифштексом, можно сказать, все. – Врач повернулся к Андрею. – Эти две сопливые веревки я у тебя вытаскиваю, а капельницу придется потерпеть.

Он аккуратно, вынул трубки из носа и засмеялся, услышав чих Андрея. Его белым крепким зубам можно было позавидовать. Когда за ним закрылась дверь, Андрей спросил мать:

– Ма, это он о ком говорил? Кому будешь звонить? Лене? Она приехала?

Ему показалось, что мать растерялась.

– Лены нет в Москве. Она отдыхает за границей.

– Ах, да, я забыл. А кому будешь звонить?

– Кате. Девушке, у которой деньги украли.

– А Лена тебе звонила?

– Звонила несколько раз, последний раз месяц назад.

Он вдруг испугался:

– А когда будет четырнадцатое августа? Я должен быть в части.

– Не беспокойся. Валера отправил Мише справку из этой больницы, что ты находишься здесь на лечении, и описал, как ты задержал бандитов. Миша ему ответил, что часть гордится тобой, желает тебе выздороветь и возвращаться, когда разрешат врачи.

Он зашевелил губами, что-то подсчитывая, проговорил неуверенно:

– Я что-то не пойму, когда будет девятый день. Не сегодня?

– Завтра. Я спрошу у врача, что тебе можно выпить?

– Не вздумай у него спрашивать, – приказал он. – Водку, может, не надо, будет пахнуть, а привези какое-нибудь сладкое вино.

В этот момент завершал телефон матери. Звонила Катя. Сообщив ей, что сын пришел в себя и чувствует хорошо, мать вдруг сказала: «А ты сама ему об этом скажи», – и приложила телефон к уху Андрея, шепнув: «Скажи, что ты ее слушаешь». Тот так и сделал, услышав в ответ всплеск ойкающей радости и «Что вам привезти?». Не зная, о чем с ней говорить, кроме спасибо, он проговорил «Большое спасибо» и отвернул голову от телефона. Зато мать с ней разговаривала, как с подругой или дочерью, называя Катюней. Она рассказывала о врачах, уколах, и улыбка не сходила с ее измученного лица. С Леной она так ласково никогда не разговаривала. Выключив телефон, она сказала, качая головой:

– Какая же она хорошая, сынок. Я не знаю, что бы я без нее делала? Это она тебе эту одиночную палату пробила. Я чувствую, что не за дешево, а за сколько, не говорит. И за дорогие лекарства заплатила. Я спрашивала, сколько я должна, она и слушать не хочет.

Андрей и вправду чувствовал себя неплохо, а после трубок даже хорошо, и почти не мешала капельница, только хотелось подняться и походить. С позвонившим Валерой он разговаривал несколько минут, тот обещал завтра обязательно приехать и привезти, что надо.

Катя приехала в половине третьего. Перекладывая из пакета в тумбочку и холодильник продукты, в основном баночки, пакетики, стаканчики с детским питанием, она пояснила матери, что все согласовала с врачом.

– И Амаретто, – показала она коричневую плоскую бутылку. – Он сказал, что понемногу даже полезно. Но не сегодня. А завтра, сказал, можно.

Они стали обсуждать, что еще ему принести, а он молча наблюдал за Катей, невольно сравнивая с Леной. Эта на голову ниже, та бесспорно эффектнее и красивее, но эта чем-то привлекательнее или приятнее, наверное, тем, что улыбка у нее была в унисон с глазами, а у той при улыбке глаза могли быть безучастными. У этой глаза крупнее, темно – синие близкие к цвету венгерской сливы, ресницы длиннее и чернее, может, даже без туши. У той глаза узкие продолговатые светло карие с зелеными крапинками, как у кошки, ресницы короче, а не накрашенные светлые. Красота у нее безучастно гордо идущей по подиуму модели, у этой о красоте не думаешь, как не думаешь о ней, глядя на любимую сестру и разговаривая с приятной задушевной собеседницей, в которой все нравится. Особенно нравились Катины густые волосы с каштановым отливом, не то, что Ленина разноцветная короткая мальчишеская прическа, смотреть на которую утром было немного смешно.

Она поймала его изучающий взгляд и покраснела. Тряхнув головой (на этот раз она была аккуратно причесана) и спросила:

– Думаете, чего я к вам пристала? Все просто. Деньги, что у меня украли, вы сохранили, вот я и отблагодариваю вас ими. Их еще много осталось, так что придется вам меня еще потерпеть.

– Я не понял: я их не обязан возвращать? – спросил он вполне серьезно. – А то я не скоро это сделаю. Мне еще служить почти три месяца, и кто знает, какую я найду работу. А на мне еще за похороны долг висит и не малый.

– Ничего, я могу лет пятьдесят подождать.

– Ну, я пошла, – стала одеваться мать. – Катюнь, ты до какого часа можешь с ним побыть?

– Если он меня не выгонит, часов до семи.

– Не выгонит. Сынок, ты будь с ней поласковой. Она девочка хорошая.

Мать поцеловала его и, коснувшись щекой щеки Кати, ушла. Андрей с удивлением обнаружил, что они были почти одного роста, правда, на Кате были туфли на каблуках, но не на очень высоких. А мать не считалась низкорослой, была как большинство женщин. А еще Андрей обратил внимание на Катин очень красивый темно синий брючный костюм под цвет ее глаз. Она явно прихорошилась, и это ей явно удалось, к тому же у нее была точеная фигурка, не худая и не полная, а то, что надо, налитая. И бросались в глаза ее сравнительно длинные идеально скроенные ноги балерины или гимнастки. Позже от матери он узнал, что Катя одно время серьезно занималась гимнастикой, пока при падении с турника не повредила спину и не сломала, как он, руку. Увлекалась она и балетом, но ее подвели малый рост и, мать немного смутилась, грудь, оказавшаяся полнее положенной. Ее еще больше смутил Андрей, возразив, что грудь у Кати ему очень нравится. И добавил, что попка тоже нравится, заставив мать улыбнуться.

После ухода матери между ними возникла довольно долгая пауза. Катя, словно вспомнив только что, достала из знакомой Андрею сумки красочную коробку раза в три больше спичечного коробка. Она ее умело раскрыла и, вынув блестящий смартфон, протянула ему.

– Это вам. Правда, не совсем последний айфон, но в России это одна из лучших его моделей.

Бросив лишь беглый взгляд на впервые увиденный айфон, Андрей помахал рукой.

– Я от женщин дорогие подарки не беру.

Она растерянно захлопала ресницами, покраснела, рука с подарком стала медленно опускаться. У Андрея вдруг екнуло сердце от страха, что она уронит айфон, о котором он что-то слышал, а что именно не помнил, потому что его он не интересовал. У него был кнопочный мобильный телефон Филипс, безотказно работавший четвертый год и признанный ребятами самым надежным в армии. В то время как у них отказывали накрученные мобильники и смартфоны, его Филипс ни разу не подвел, хотя и падал и побывал в воде. А главное, неделями работал без подзарядки.

Видя, что Катя продолжает растерянно стоять, безвольно опустив руку с этим чертовым айфоном, Андрей протянул руку со словами:

– Ладно, дай я хоть взгляну, что это такое. На смартфонах я научился отвечать на вызовы, когда хозяин отсутствовал, но не более того. А айфон впервые вижу. Может, и возьму, если понравится, – пошутил он.

Она радостно опять протянула айфон, он взял, осмотрел его со всех сторон и почесал затылок, скрывая смущение:

– Для меня он темный бурелом. Я до него даже дотрагиваться боюсь.

Она схватила стул и, расстегнув костюм, села вплотную к кровати. Он вдруг открыл еще одно сравнение ее с Леной: грудь у Кати была больше и полушариями с притягивающей ложбинкой, а у Лены были конусы с плоским промежутком. Катя встала, достала из сумки похожий айфон, только перламутровый, а его светло серый, и опять усевшись рядом, сказала, чтобы он все повторял за ней. Несколько раз она наклонялась над ним, касаясь лицом его рук и головы. От нее пахло охренительно приятными, наверняка, французскими духами, отчего, в дополнение к ложбинке, по нему пробежал ток (как-никак девять месяцев никого не имел), а она либо не воздерживалась, либо, – он не сразу подобрал причину, очень сомневаясь в ней, – либо не знала, что это такое.

Но эти мысли не отвлекли его от изучения айфона, и совсем скоро они переговаривали по телефону и фотографировали друг друга и вместе. Убедившись, что этот урок он освоил, она стала обучать его, как включать интернет, играть в разные игры, читать книги и слушать музыку. Это оказалось для него плевым делом, так как интернетом он владел почти в совер-

шенстве. Увидев, что его тянет к новостям, она достала из сумки газету «МК». У него даже задрожали руки.

– Вот за это спасибо, – обрадовался он. – Для меня эта газета олицетворяет враждебный лагерь, но врагов надо изучать.

– Вы почитайте, а я схожу к врачу, – сказала она.

– Да, и вот что. Перестань мне выкать. Я не настолько стар для тебя. Он вспомнил, сколько она готваждать долг, и ее же тоном добавил. – Через пятьдесят лет, может, и разрешу выкать, –.

Он напрасно перевел взгляд после этих слов на газету и не видел, как опять засияло ее лицо. У дверей она обернулась, чтобы сказать «Хорошо, буду вам тыкать», но что-то ее насторожило, и она вышла молча.

Он сразу обратил внимание на рубрику «Война в Донбассе». В Донецке живет его дед по отцовской линии, и Андрей очень переживал за него с бабушкой и за других родных. В рубрике его заинтересовал репортаж корреспондентки газеты, проведенной две недели на позиции украинских боевиков или, как она их величала, патриотов. Ополченцы ДНР, это дедов внук Коля, Колин отец дядя Федя, естественно, были для нее сепаратистами. Почти весь репортаж составляло интервью с полковником АТО, который жаловался, как он безуспешно пытается договориться с сепаратистами о прекращении обстрелов украинских деревень. Те, если и соглашались, то тут же вероломно нарушали перемирие, умножая многочисленные жертвы среди мирного населения. На прошлой неделе, например, во время их обстрелов погибла вся семья, в том числе четверо детей, включая грудного ребенка. А как они зверствуют в захваченных деревнях! Не щадят ни стариков, ни детей. Убивают даже собак, если узнают, что хозяин воюет на стороне украинских патриотов.

– Ты читала? – нервно спросил он вернувшуюся Катю. – Эта корова перепутала ополченцев с украинскими головорезами?

Но Катя не читала и сказала, что политикой не интересуется. Возбужденный Андрей неожиданно уснул. Катя села рядом и неотрывно смотрела на него. После того, как он пришел в себя, его лицо стало почти таким же красивым, как на кладбище, когда он подошел к ней. Там он сразу запал ей в душу. Может, потому, что назвал ее красавицей, как никто ее не называл. Она не отходила от него и не спускала глаз до приезда «Скорой». Хотела поехать с ним в больницу, но ей не разрешили потому, что она была ему никто, даже не знала, как его зовут. Ее взял с собой Валера. Не дождавшись Андрея в машине, он отыскал его по мобильнику, ответить по которому с третьего раза догадалась Катя, вынув телефон из кармана куртки лежавшего на земле Андрея. Он же предлагал подвезти ее до метро по дороге за матерью Андрея, но она осталась в больнице и дождалась их. Мать уже знала от Валеры, кто и почему в больнице Катя, и они сразу сблизилась.

Она сама не понимала, что с ней происходит, почему ее жизнь изменилась после встречи с ним, почему он затмил всех ее знакомых. Даже своей лучшей школьной подруге Даше она ничего о нем не рассказала, потому что не хотела подпускать к нему никого, даже находившемся в коме. Это-то ее и поражало: лежит полутруп, не ясно, выживет или нет, а выживет, может ее и не вспомнить, а она, как дура, только о нем и думает, когда вокруг нее выются такие красавцы, с которыми его не сравнить по положению с их могущественными отцами, которого у него нет, а мать почти полунищая. Если дома узнают, где и с кем она проводит время, они с ума сойдут, особенно отец. Мама, может, и скривится, но ничего не скажет такого, что оттолкнет их друг от друга. А отец... лучше об этом не думать. А не думать нельзя. Пока что ей удалось сохранить все в тайне, зная, что за ней следят. Но долго это продолжаться не может, да и сама она не захочет скрывать.

Андрей проснулся как раз к ужину. Катя расспросила работницу столовой, что ему уже можно есть. Оказалось, что все, что она принесла, а уже завтра можно протертые супы и мясо, компот из протертых фруктов в дополнение к каше, бульону, пудингу. С завтрашнего дня можно есть хлеб и почти все, только не грубое и острое.

– Рекомендуем питаться нашей едой, а не только принесенной из дома, – сказала работница, еще раз взглянув на детское питание и добавила. – А это не помешает как сладкая добавка.

Об этом Катя рассказала пришедшей после ужина Полине Сергеевне и, нежно попрощавшись с ней и помахав Андрею рукой, ушла. Он похвалился перед матерью газетой и айфоном. Она взяла телефон, оглядела и ахнула:

– Неужто подарила? И ты взял? Спасибо хоть сказал?

– Я отказывался, но пришлось взять, чтобы она от расстройства его не выбросила. А насчет спасибо ей спасибо тебе, что напомнила. – Пальцем он вызвал Катин номер с ее фото и поднес айфон к уху. – Катя, это Андрей. Я забыл поблагодарить тебя за айфон. Спасибо. Правда, мама отругала меня за то, что я его взял. Я успокоил, сказав, что заплачу за него после дембеля. Не знаешь, что это такое? Деревня. Это самое большое армейское счастье. Хорошо, так и передам, что отплачу чем-нибудь другим. Скажу, что не ты это сказала, а я. И ты тоже подумай, чем тебе желательнее. И тебе того же. – Он выключил айфон. – Слышала? Мы договорились, что я ей отплачу, тем, что она скажет.

– Она тебе нисколько не нравится?

Он с удивлением посмотрел на мать и ответил не сразу:

– Откуда ты это взяла? Катя мне нравится, но не очень. И не из-за внешности. Я даже назвал ее красавицей, увидев ее впервые. Я очень ценю ее заботу обо мне. Но мне не нравятся ее денежные траты на меня и этот айфон, и я не хочу увязывать свое отношение к ней с ними. Я не раз задавал себе вопрос: уж не нравится ли она мне из-за денег? И отвечал, что именно из-за денег она мне не нравится. Подтверждением моего хорошего отношения к ней я считаю то, что, если сейчас появилась бы Лена и меня спросили, кого я выберу, я бы выбрал Катю. Лена для меня больше не существует, хотя я все еще продолжаю ее любить. Вот и понимай, как хочешь мой ответ.

– Я, сынок, в твои сердечные дела не вмешиваюсь. Я и к Лене хорошо относилась, видя, что ты ее любишь, хотя многое мне в ней не нравилось: и то, что не ограничивала себя в вине, курила, и то, что забросила институт. А Катя взяла меня тем, что очень переживала за тебя. Я отнесла это к тому, что она тебя любит. Но до сих пор не понимаю, когда ты успел ей так понравиться, если вы разговаривали одну минуту. Выходит, любовь с первого взгляда. Такая любовь бывает на всю жизнь. Как у меня с твоим папой.

Катя неожиданно приехала в половине одиннадцатого утра, сказала, что отсидела первую пару часов и решила освободить пораньше Полину Сергеевну для посещения могилы отца, за что та была ей очень благодарна. А Андрей обрадовался газетам, их она накупила с десятков от МК до «Завтра». И опять она любовалась им, видя, как менялось выражение его лица от восторга до возмущения. Изредка он делился с ней прочитанным. Она, не все понимая, поддакивала. И лишь однажды не знала, что сказать, когда он воскликнул:

– О господи! Какого идиота мы держим премьер-министром! Послушай, что он посоветовал пенсионерке в Крыму, пожаловавшейся, что восьмью тысячами рублей для жизни недостаточно: «Просто денег нет сейчас. Найдем деньги – сделаем индексацию. Вы держитесь здесь, вам всего доброго, хорошего настроения и здоровья». Ну, не кретин?

Не дождавшись ее реакции, он опять уткнулся в чтение, а она, увидев, что в капельнице заканчивалась жидкость, отправилась к медсестрам. Там она поинтересовалась, когда у него уберут капельницу. Молоденькая и хорошенькая лет семнадцати девочка переадресо-

вала вопрос вошедшей пожилой женщине с красивым пакетом. Та, вынув из пакета торт и положив на стол, со словами: «Это нам от дочери старичка из трехсот десятой палаты», – ответила на Катин вопрос, заглянув в журнал:

– Сегодня второй день, как он очнулся, значит, завтра или послезавтра снимут. И вот что. Вы после этого сразу переведите его в общую палату. Какой смысл вам платить такие деньги за одиночную палату? С ним там будут еще трое. И пообщаться он сможет, и друг другу они помогают. А когда он встанет, сам будет помогать. И его маме не обязательно будет оставаться с ним на ночь. Да и недолго он там пробудет, самое большое, четыре – пять дней.

Заполнять капельницу пошла та самая хорошенькая девочка. От Кати не ускользнуло, как она поглядывала на Андрея и обернулась на выходе. Но Андрей лишь один раз безразлично взглянул на нее, и все равно Катя возненавидела ее. Предложение старшей медсестры о переселении в общую палату он воспринял с радостью и вдруг спросил:

– Сколько тысяч ты заплатила за эту палату?

Она не знала, что ответить. Сказать несколько – не поверит, а назвать тридцать пять тысяч не решалась, боясь, что будет ругать, поэтому назвала десять. Он нахмурился и, отложив газету, сказал строго

– Давай договоримся: врать мне ты никогда не будешь. Если еще раз скажешь неправду, сюда ты больше не придешь и меня не увидишь. Сколько?

– Тридцать пять, – едва скрывая радость оттого, что она будет с ним и дальше, ответила она.

– За сколько дней?

– За пять. Сегодня последний день.

– Вот и хорошо. Деду.. моего дедушку сегодня помянем, и завтра я перееду общую палату.

Он собрал в кучу газеты, положил на настенную полку и уставился на Катю. Она забежала глазами, но быстро собралась и остановила на нем вопросительный взгляд, сделав еще больше глаза. Он вдруг улыбнулся и заговорил мягким голосом:

– Обо мне ты почти все знаешь. Если бы ты тогда не опоздала всего на два часа, то могла увидеть часть моих родственников, включая деду в гробу. Но главное, ты знаешь мою мать. А вот, кто ты и твои родители, мы не имеем представления. Единственное, что мы знаем о тебе, что ты студентка. Вуз я не успел рассмотреть, а о твоих родителях лишь догадываемся, что они богатые, если у тебя столько денег. Мама сказала, что у тебя дорогая машина. Сегодня у меня с ней был разговор о тебе. Она поинтересовалась, нравишься ли ты мне. Я ответил, что не нравишься из-за того, что ты тратишь на меня много денег, а я не хочу увязывать свое хорошее отношение к тебе с деньгами, и я тебе бесконечно благодарен не из-за них, а за заботу обо мне и маме. А чтобы ты хоть что-нибудь поняла из того, что я сказал, знай, что для меня не имеет никакого значения, кто твои родители. А кто ты, я уже знаю, и это важнее всего для меня.

Она услышала главное: она ему нравилась, – и была счастлива. Он заметил это, но причину радости не понял и спросил:

– Который час? Когда обед принесу? Есть страшно хочется!

До двух еще оставалось полчаса, но от сладостей он отказался, и Катя пошла в столовую, чтобы в числе первых получить обед. Наевшись, Андрей уснул и проснулся от прихода матери и Валеры. Они тоже одобрили переход в общую палату и порешили, что врачу об этом скажет завтра мать во время обхода врача. Пока женщины готовили стол, подошло время для ужина. Андрею вчера понравились каша, и он попросил принести ужин. На этот раз оказалось картофельное пюре, очень подошедшее под Амаретто. Вместе со всеми Сергея Васильевича помянула и Катя, сказав, что очень благодарна ему за то, что он познакомил ее с такими прекрасными людьми, ставшими для нее самыми дорогими. Растроганная мать поцеловала ее. Слегка

захмелевший Андрей сказал, что и он очень доволен встречей с Катей и попросился поцеловать ее. Поднявшись со стула, она с трудом сделала два шага к нему – настолько от волнения откалывали ноги. Она подставила ему щеку, но он, обхватив ее голову, приблизил ее губы к своим. Ее едва не покинуло сознание, когда его язык, раздвинув губы и заставив разжать зубы, коснулся метнувшегося ему навстречу ее языка. Руки ее непроизвольно потянулись к его плечам и притянули к себе. Сколько длился поцелуй, она не помнила, и длился бы бесконечно, если бы он сам не отстранил ее от себя, почувствовав головокружение. Сев на место, она не осмелилась поднять глаза и взглянуть на мать и Валеру, не зная, что они тактично отвернулись к телевизору, что-то обсуждая.

– Ну что, познакомились поближе? – первым нарушил молчание Валера. – Надо это дело отметить. Андрюхе нельзя. Я его выручу. А заодно расскажу вам про первый поцелуй Бори Зайцева из нашей роты. Уселись? Налили? Предлагаю выпить за прием Кати в наш дружный коллектив. Андрюха, терпи, осталось недолго не пить. А теперь про Борьку Зайцева. Он был маменькиным и бабушкиным сыном. Бабка у него была не то академиком, не то чуть ниже по динозаврам, а мать – доктором наук тоже по ним, и он только ими и бредил. Поступил в МГУ на геологический факультет, год проучился, и тут мать и бабка, обе без мужей, вдруг решили послать Борьку в армию, чтобы стал человеком. Правильно сделали, так как он ничего не умел делать. Если стрелял, обязательно в чужую мишень. Картошку чистил, оставляя ее до размера фасолины. Мы посмеивались над ним, но не злобно – сами были не намного лучше. Рассмешил нас новобранец хохол. Услышав Борькину фамилию, он прямо закатился: «Яка смешна фамилия Зайцев, ха-ха-ха!» – А у тебя какая? – спросили мы. – У меня гарна фамилия: Запердоренко!» – с гордостью назвался он. Дольше всех смеялся Борька. Честно говоря, ему бы не Зайцевым быть, а Красавцевым, так как был он красив до умопомрачения. Почти, как Андрюха, но еще красивее. А у нашей врачихи была дочка лет восемнадцати. Мы все соплями истекали по ней, а она влюбилась до полусмерти в Борьку. А он ни в какую, даже не смотрел на нее. В конце концов, мы все-таки заставили его пойти к ней на свидание. Расписали все по нотам, как вести, что говорить, главное, что с ней делать, раз так влюблена. Пошел, ждем, сгорая от зависти. Приходит какой-то не такой, вроде как растерянный или недовольный. «Ну что, удалось?» – спрашиваем. – Рассказывай, как, что, сколько раз?». А он вдруг сердито спрашивает: «Что ж вы мне не сказали, что, когда целуются, язык в рот суют? Я знал, что открывают рты, и открыл, когда она ко мне потянулась губами, а она мне сунула в него язык чуть не до горла, я чуть не задохнулся и ее оттолкнул, она обиделась и выгнала меня. А теперь я в нее влюбился».

Андрей смеялся, зажимая рукой рану. Смеялась и мать, махая на Валеру рукой. А Катя смущенно улыбалась.

Глава четвертая

В батальоне Андрея встретили, как героя. Воронов в первую очередь поинтересовался, как был решен вопрос с похоронами. Андрей рассказал, как отбивался от частных ритуальщиков, про Валерины деньги, про задержанных воров, показал себя в коме на фото, сделанным Катей. И очень обыденно поведал, что она в знак благодарности за возврат кошелька со студенческим билетом, деньгами и платежными картами подарила ему айфон.

– Молодец, – похвалил Катю Воронов. – Видно, порядочная девушка. Сейчас таких не много. Ты с ней поддерживаешь связь?

– Посмотрим, – уклонился от ответа Андрей. – Одна, с которой я до армии два года дружил, на следующий день после моего приезда на похороны укатила с любовником на Кипр, даже не повидавшись со мной. Так, что у меня есть опыт общения с девушками. Но эта действительно молодец, каждый день приезжала, когда я лежал в коме, и после.

– Вот и цени такое отношение к себе. Значит, ты ей понравился. Иначе она бы не ухаживала за тобой, не зная, когда ты очнешься и очнешься ли вообще. Считай, что тебе повезло. Не всем так везет. – Командир о чем-то задумался, развел руками, видно, вспомнив, кого упустил, опомнился и проговорил уже командным голосом. – Я рад, что ты вернулся в часть, пережив такое. Покажись докторам и независимо от их решения, приступай к выпуску нового номера стенгазеты. Она ждалась тебя. И вот что. Насколько я знаю, айфон – дорогая вещь. Ребята у нас все порядочные, но с кем черт не шутит, может и пропасть. Поэтому лучше держи его не в казарме, а в красном уголке, я прикажу поставить там сейф. Будешь использовать интернет для газеты и связываться с домом в положенное расписанием дня время. Ребятам о нем не говори, замучают просьбами.

– За сейф большое спасибо, товарищ подполковник. Я тоже грешным делом опасался за айфон. В таком случае про него я им не скажу. Для них и для связи с домом у меня есть надежный кнопочный мобильник. А в айфоне я буду выискивать материал для работы.

Ребят больше всего интересовало, поимел ли он девушку, из-за которой чуть не помер. Андрей перевел разговор на измену знакомой им Лены, не пожелавшей встретиться с ним даже на полчаса. Вот ее в эти полчаса он бы так поимел, что она точно забыла бы про Кипр и своего нового ёбаря. С ней он ни о чем другом, кроме палки, никогда не думал. А с Катей у него ни разу не возникло даже желание, немного приврав для ее характеристики в целом. Ребята объяснили это по-разному. Одни утверждали, что он ее не любит, потому что нельзя не хотеть ту, которую любишь. Другие, напротив, были уверены, что настоящая любовь – это нечто святое, духовное, а половое сношение является лишь дополнением, и очень хорошо, когда оно нравится этому духовному, то есть настоящей любви.

Эти рассуждения ребят мало что прояснили Андрею, но что-то в них было, что подтверждалось тем, что о Лене он почти совсем перестал думать, разве что по ночам, жалея, что не кинул ей палку на прощанье. В этом деле она была мастером. В чем он убедился в первый же день знакомства и все два года находился в сладостном сексуальном угаре. Но жениться на ней он не собирался, так как был уверен, что не сможет удовлетворить ее не только физически, но и материально. Всякий раз, когда у них случался перерыв в их встречах, у нее появлялись драгоценности и украшения, происхождения которых она не смогла объяснить: родители у нее были ниже средней состоятельности: мать работала учительницей в школе, а отец сантехником и грешил пьянством. Ее наглый отъезд на Кипр, наплевавший на его приезд, поставил точку на их отношениях.

А звонка от Кати он ожидал и ему казалось странным, что она по-прежнему не вызывала у него таких мыслей, как Лена с самого начала их знакомства. А еще он часто вспоминал и не мог объяснить, почему назвал Катю красавицей, подойдя к ней в полубессознательном состоянии. До этого он никогда так не называл первых встречных, даже очень красивых. Значит, что-то выделило ее от других, не только куртка. Выходит, и он ей сразу понравился, если она так прилипла, как скотч, к нему, вот и сюда звонила чаще, чем он велел в соответствии с их режимным расписанием дня. И все время говорила о желании приехать к нему вместе с его матерью.

Когда он рассказал ребятам, что Катя оплатила для него отдельную палату и не вылезала из больницы, показав перенесенные ею на его кнопочный мобильник его фотографии в коме и в период выздоровления, пораженные ребята засыпали его вопросами о ней: есть ли ее фото, кто у нее родители, где учится. Он показал им копию ее портрета, сделанного в элитном фотоателье. Катя на нем выглядела, без преувеличения, очень привлекательной и даже красивой, особенно синие задумчивые глаза и волнистые волосы, и произвела на ребят впечатление. «Чистенькая девочка» – оценил ее кто-то, а ее сравнение со стоявшей на тумбочке Андрея фотографией Лены кратко обобщил ловелас Леха: «Сразу видно, не поблядушка, как

Ленка». Под общее одобрение Андрей заменил фотографию Лены на Катин портрет. Произвело на ребят впечатление и то, что она учится в МГИМО. Тут опять возник вопрос о ее родителях.

– Ты интересовался, кто они?

– Спрашивал и сказал, что мне не нравится, что она тратит на меня столько денег. Только за палату люкс заплатила тридцать пять тысяч, и еду привозила, какую мы никогда не покупали. Я ей прямо сказал, что не хочу увязывать свое отношение к ней с этими ее расходами. И пообещал их обязательно вернуть. А насчет родителей сказал, что мне все равно, кто они. Поэтому и не интересовался ими.

Они опять заспорили, на ком лучше жениться, на богатой, которую не любишь, или на бомжихе, от которой без ума? Полувсерьез сошлись на том, что жениться надо на богатой, а бомжиху содержать любовницей.

Врачи медчасти рекомендовали Андрею щадящий режим, что было учтено на учениях. Помимо этого, Воронов увеличил еще на час время на выпуск стенгазеты и обустройство комнат отдыха. Неоценимым его помощником в этом деле стал интернет в айфоне. Катя оплатила интернет в нем за полгода, и Андрей еще раз прочитал все книги деда и рассказы со статьями в его сообществах. Один из рассказов он решил опубликовать в стенгазете, снабдив кратким пояснением: «Полмесяца назад умер мой дед Дроздов Сергей Васильевич. Он прожил трудную, но интересную жизнь. Родившись за шесть лет до войны с немцами и потеряв отца на фронте, он до конца своих дней не мог забыть бомбежки, холод и голод во время и после войны. Но родная советская власть предоставила ему все условия, чтобы он вырос настоящим человеком, благодаря чему смог получить три высших образования и выучить несколько иностранных языков. Выйдя на пенсию, он стал писать книги. Ниже предлагаются его рассказ – воспоминание о погибшем на фронте отце.

Из воспоминаний об отце, убитом под Ленинградом

Мужчина, похожий на отца

Мне было девять лет. Мы жили у бабушки по маминой линии в маленьком городке с интересным названием Бутурлиновка. Месяц назад закончилась война. Городок встречал солдат. Я знал, что папа убит в марте сорок третьего. Похоронку на него спустя месяц нам принесла из деревни его сестра тетя Оля. Папа не был уверен, что мы остались в Москве, и указал адрес деревни своего отца. Она находилась в двенадцати километрах от Бутурлиновки, и мы навещали туда пешком, если не удавалось поймать попутку.

Я играл во дворе, когда появилась тетя. Увидев меня, она подошла ко мне и, прижав к себе, заплакала. У меня ёкнуло сердце от нехорошего предчувствия. Но все я понял, когда вошел в избу, и все стали отворачиваться, пряча глаза. Заплакал и я, уткнувшись в мамины колени. Вдруг, заглянув в извещение, она сказала:

– Ну, да, так и есть: 21 марта. В ночь на двадцать второе, когда у папы был день рождения, я видела Васю во сне. Сидим мы, будто, с ним на берегу нашего деревенского пруда. Я знала, что идет война и радовалась, что он жив и со мной. Вдруг он поднялся и стал раздеваться. «Ты купаться?» – спросила я. – Вода еще холодная». Он нагнулся, поцеловал меня и, не говоря ни слова, нырнул. Пруд вдруг превратился в бурлящую реку. Васина голова стала исчезать, пока не пропала совсем. Я стала бегать по берегу, высматривая его, и даже забралась на дерево, но видела одни гребни волн. Сук вдруг надломился подо мной, я полетела вниз и проснулась. Я сразу поняла, что видела нехороший сон, и никому о нем не рассказала, надеясь, что он не сбывается. Выходит, сбывлся. Вот и не верь снам. Правильно говорят, что нельзя видеть во сне голого человека и когда он уходит от тебя. – Мама опять заплакала.

Я не раз слышал, что иногда убитые на войне возвращались, и поэтому чуть ли ни каждый день бегал на станцию в надежде встретить отца. Там я заглядывал в лица военных, однако никто не походил на отца. Когда возвращавшихся стало совсем мало, я упорно продолжал ходить туда, продолжая на что-то надеяться..

Как-то я брел уныло со станции домой, почти осознав, что не встречу отца. Станция находилась от бабушкиного дома километрах в пяти. Я устал и хотел есть. Проходя мимо дворов, я поглядывал вверх на свисавшие над заборами ветви с яблоками или грушами. Такую ветку я вскоре увидел, подпрыгнул и, сорвав яблоко, опустился на чьи-то ноги. Услышав мат, я отскочил, успев заметить блестящие сапоги с серым отпечатком моих босых ног. Я поднял глаза и едва не вскрикнул: это был мой отец. Он нагнулся, сорвал лист лопуха, подул на него и старательно вытер пыль с сапог. Я продолжал смотреть на него. Он выпрямился, взглянул на меня и строго сказал:

– В другой раз надеру уши.

И пошел дальше по направлению к моему дому. Все еще продолжая стоять, я попытался громко позвать отца, но лишь прошептал сухим неподвижным ртом:

– Папка мой.

Он, конечно, не услышал. Тогда я побежал за ним. Он шагал быстро, однако я нагнал его и пошел следом. На нем были белая рубашка и серые брюки, темные короткие волосы, как всегда, были зачесаны вверх, как у Сталина. Но что-то изменилось в нем, но что, я не мог понять. Это встревожило меня, нужно было еще раз увидеть его лицо, но я боялся сделать это.

Он исчез в калитке неожиданно.

Дом, куда зашел отец, был краснокаменный с высокими ставнями. Я подпрыгнул, пытаюсь заглянуть в окно, но, кроме потолка, ничего, не увидел. Тогда я стал ждать. Время остановилось. Я начал усиленно подталкивать его: поворачивался к дому спиной, медленно считал до десяти и быстро оборачивался или, едва переступая ногами, доходил до колодца и опять

оборачивался. Потом – снова. Дом мне был незнаком, и я не мог понять, что отец там так долго мог делать.

Смеркалось. Я присел на скамейку на противоположной стороне улицы, прислонился к забору и задремал.

Проснулся я от холода. Было совсем темно. Окна в краснокаменном доме были черными. – Проспал, раззява, – рассердился я на себя и побежал домой.

В другой раз я бы боялся бежать один по пустынной улице в темноте, но тогда я был уверен, что дома меня ждал отец и поэтому был храбр, как никогда. Во двор я ворвался запыхавшийся и нетерпеливый. Мама сидела на крыльце и поджидала меня.

– Где ты пропадал, сынок? – спросила она.

Она не умела ругаться.

Я проскочил мимо нее и вбежал в дом. Сестра спала, и больше никого в комнате не было. Я заглянул в комнату дедушки с бабушкой. Они тоже спали. Этого я не ожидал и затравленно уставился на вошедшую маму.

– Ты что-то ищешь? – спросила она и, не дождавшись ответа, погладила мне вихры. – Садись кушать, я уже два раза подогревала.

Хлеб показался мне горьким, а молоко соленым: я понял, что ошибся.

Ночью мне приснился отец. Он был в белой рубашке, серых брюках и блестящих сапогах.

Три дня я заставлял себя не видеть этого человека. Однако желание взглянуть на него еще раз оказалось неодолимым.

Был душный августовский день. Я несколько раз прошел мимо его дома, не решаясь заглянуть во двор. Все же я подбежал к воротам и глянул в щель. И сразу увидел его: он возился с мотоциклом в глубине сада.

У соседнего дома забора не было. Я пробрался вдоль его забора поближе к нему. Мне удалось отыскать несколько щелей, но в них я видел лишь его спину в синей майке. А мне хотелось рассмотреть человека, так удивительно похожего на моего отца. Я влез на забор и сквозь ветви стал его рассматривать. После сна его сходство с отцом еще больше поразило меня, и чем дольше я смотрел на него, тем настойчивее вертелась мысль, что этот человек – все-таки мой отец и что вот-вот он поднимет голову, увидит меня и весело предложит:

– Давай наперегонки гайку искать.

У отца не было мотоцикла, но велосипед я помнил. И, конечно, сейчас у нас был бы мотоцикл, да еще с люлькой, и мы по воскресеньям все вместе: отец, мама, Нина и я, – ездили бы в лес за орехами. Я, конечно, сидел бы за спиной отца и громко подгонял бы его:

– Быстрее, быстрее!

Я качнулся, вскрикнул, схватился за ветку и упал в сад.

Когда я вскочил, он стоял рядом, держа меня одной рукой за воротник, другой – за ухо.

– Вот ты и попался, щенок, я тебя узнал, – говорил он, приподнимая меня, как щенка. – А я, сволочь, гадаю, кто это так ловко обчистил старую яблоню.

Я задышался, молча и не пытаясь вырваться.

Он поднял отломанную мной ветку, оторвал от нее маленькую, похожую на лесной орех, грушу, вложил ее в рот и, продолжая держать мое ухо, начал меня хлестать веткой. Она была корявая и твердая, как проволока. Потом он посадил меня на забор, ударил напоследок и столкнул.

Я вскочил, совсем не почувствовал боли и, прихрамывая, побежал от этого страшного места.

Год спустя мы уехали из Бутурлиновки. На станции, возле табачного киоска, я в последний раз увидел этого человека.

– Мам, – спокойно спросил я, показывая на него, – этот дядя похож на папу?

Мать внимательно посмотрела и покачала головой:

– Нет, сынок, твой папа был потоньше и выше.

– А волосы, как у папы?

Она еще раз взглянула на мужика.

– Да, волосы его. Папа их зачесывал вверх.

Спустя много лет еще один человек, известный обозреватель Валентин Зорин, больно напоминал мне отца. Но спрашивать у матери, так ли это, я не стал. Когда отец ушел на фронт, ему было всего двадцать девять лет, а Зорин ему в отцы годился.

Герои и трусы

О том, как погиб на фронте мой отец, всякий раз я начинаю вспоминать не с соседа, а с моего первого шефа.

После института меня распределили на московский металлургический завод инженером конструктором. Начальником отдела был Михаил Петрович, известный в прокатном деле человек, написавший книгу по смазке станков. Как-то он взял меня с собой в командировку в Магнитогорск.

Нас встретили в аэропорту и отвезли в гостиницу металлургического комбината. Номер оказался, на мой взгляд, вполне приличным: две белоснежные кровати с тумбочками, большой гардероб, туалет с душем. Что еще надо?

– Мне нравится, – сказал я, оглядевшись.

Шеф подошел к умывальнику, открыл поочередно оба крана и по привычке забрюзжал:

– Горячая вода, мягко говоря, как парное молоко.

Мы разделись, облачились по – домашнему: я снял пиджак, а шеф сменил костюм и ботинки на полосатую темно-синюю рубашку, шелковые коричневые шаровары и шлепанцы, задники которых давно превратились в засохший блин, и стал походить на соседа доминошника дядю Витю.

Я взглянул на часы. Без десяти восемь. Вечер плотно занавесил окно.

– Вы не идете? – спросил я. – Под нами ресторан.

– Не пойду и тебя не пушу, – возразил шеф. – У меня, как у хорошего колхозника, привычка набирать в дорогу продуктов на неделю. И дешево и, мягко говоря, сердито. – Шеф поставил на стол бутылку водки и начал выкладывать кульки. Я решил не капризничать и сбежал за пивом.

Развезло шефа довольно скоро. Я уже знал, что он любил поболтать, но оказалось, знал слишком мало.

– Недели за две до твоего прихода, – начал он сходу, словно продолжая прерванный разговор, – я встретил в коридоре на втором этаже, возле, мягко говоря, мужского туалета главного инженера Александра Ивановича Кузьмина. Знаешь его? Я так и думал, что он читал у вас курс лекций. Мы с ним давно знакомы, еще в 38-м я работал у него здесь в Магнитогорске после распределения. Мужик он толковый, а главное, не задается, как многие, которым удается подняться повыше тебя. Ты еще встретишь, мягко говоря, таких друзей. Да ты ешь, не будь кисейной барышней. Встречаю, значит, я Кузьмина, а он всегда со мной здоровается за руку, долго справляется о самочувствии, делах, одним словом, уважает меня. Встречаю я, значит, его, он и говорит: «Слушай, Михаил Петрович, нам дали десять выпускников МВТУ. Хочешь взять одного из них?» Я, естественно, отвечаю, что могу взять всех сразу, но он дал понять, что будет хорошо, если мне одного удастся заполучить. Я спрашиваю: «А кого бы вы, Александр Иванович, посоветовали взять?» «Да я их, Михаил Петрович, – отвечает он, а ты знаешь, как он говорит, отдыхая после каждого слова, – я их, говорит, мало знаю, ты уж сам выбери. Но сделай это, не мешкая». И добавил, что несколько человек вас сидит в читальном зале. Я, разумеется, тут же побежал туда, увидел вас и сразу остановился на тебе.

– Почему? – удивился я.

Шеф ухмыльнулся: сдвинул вправо тонкие губы, подмигнул левым глазом – и наполнил стаканы. Выпив и крикнув, как при рубке дров, он опять ухмыльнулся.

– Здесь, Сергей Васильевич, нужен, мягко говоря, особый нюх. Вас сидело, помнится мне, шестеро, четыре парня и две девушки. На последних я даже не взглянул. Толку в них, я уже убедился, мало. Поработают год, другой, пойдут декреты, трехдневные, мягко говоря, отпуска, да и как инженеры, тем более конструкторы, они никудышные. Парень – другое дело, будь он даже самый заваливающий.

Шеф стал как-то странно меня разглядывать. Я поежился. Неожиданно он спросил:

– Скажи, ты догадываешься, что тебя трудно назвать красавцем? – Увидев мое смущение, он хохотнул и ударил меня по плечу. – Но ты не расстраивайся, ты лучше красивого, ты, мягко говоря, симпатяга. А среди вас сидел один такой красавец, длинный и бледный, как вязальная спица. Второй, вспомни, круглый, румяный с роем родимых пятен, как калорийная булка с изюмом за десять копеек, очень уж походил на маменькиного сынка. Третьего я не помню, а вот ты мне приглянулся сразу: скромно одетый, если мне не изменяет память, ты был в черной рубашке, и на вид толковый.

Шеф явно начал заговариваться. Он побагровел, и сходство с дядей Витей, но уже в день полочки, еще больше усилилось.

– Ты что-то отстаешь от меня. А может, стесняешься? – довольный шуткой, он заулыбался, обнажив належавшие друг на друга зубы. – Так вот... о чем я?... Да... Как видишь, не ошибся. Ты меньше года у нас, а я уже смело могу сказать, что ты усидчивый и цепкий в работе. Надеюсь, ты не зазнаешься, а? Тем более что хватать с неба звезд ты не будешь. Как я. – Шеф задумался, поиграл нервно длинными пальцами рук, трезво взглянул на меня. – Я, Сергей Васильевич, возлагаю на тебя большие надежды. Ты только слушай меня, и я помогу тебе выйти, мягко говоря, в люди. Конечно, я не директор института Целиков, не ахти, какая шишка, но иногда добрый совет тоже кое-что значит. Отца у тебя нет, поучить некому, а я старше, знаю, что нужно, если даже все в тебе против, и что нельзя, хотя ты уверен, что только так и надо делать. А ты парень горячий, одно лишнее слово, и все может пойти насмарку. – Он опять задумался. – Вообще я тебе скажу, что жизнь – это все-таки лотерея, как ни отрицай, исходя из закона диалектики. Кому как, мягко говоря, повезет. Вот я в институте, – я ведь тоже окончил твое техническое училище, – был почти отличником, а как вышло. Все мои сокурсники, Ваньки, Петьки, Гришки, все на голову выше меня. Вот и разберись. Самое интересное, считают меня неплохим специалистом, написал даже книгу, по которой студенты учатся, да и в войну удачно уцелел.

Шеф устремил задумчиво взгляд вдаль прошлого. Пальцы его рук заплясали по столу и походили на маленьких человечков. Я подумал о словах «удачно уцелел», не понял, спросил:

– Вы были на фронте?

– Как говорится, уберег господь, – ответил он. – За месяц до войны заканчивался мой трехлетний срок работы после института здесь на комбинате, и я попал под бронь. Это только в книжках пишут, что все поголовно рвались на фронт. Про молодежь не отрицаю, военкоматы были забиты десятками классами, рвалась на фронт. И с комбината почти все парни и девки убежали туда, их там вылавливали, как дезертиров. Но это молодежь, как говорится, глупая еще. А среди тех, кто познал жизнь и ее радость, немало было и таких, которые всеми правдами и неправдами норовили остаться в тылу. Конечно, были и герои, к примеру, Толька Свиридов, мой лучший друг. Талант, я тебе скажу, так и лез из него, как рубаха из-под брюк. Его ни в какую не отпускали. Куда там! Грозился Сталину написать. И ушел-таки. И убили. Ровно через месяц пришла похоронка. Пал, мягко говоря, смертью храбрых. – Шеф провел ладонью по лицу, словно умылся. – Так бы и я. Ну, протянул бы годик, другой и закопали бы меня к чертовой матери где-нибудь под Курском или Сталинградом, а то еще хуже у какой-нибудь безымянной высоты.

Я вздрогнул, как от удара, и зло уставился в набухшее лицо шефа, больно напомнившее мне другое, такое же неприятное...

...Гость сидел, вот также развалившись на стуле, и, разбрызгивая слюни с крошками хлеба, говорил:

– Ваську, Дарья, если ты не забыла, я всегда уважал, хотя у него было много дури в голове. Сколько раз я, бывало, втолковывал ему: «Васька, не лезь не в свои сани, погубишь себя». И то сказать, добре дюже любил он лезть, куда умных людей силком не затащишь. Все искал правду и себя хотел показать, мол, не хуже других... А на драку, прямо сказать, чесотка у него была. Бывало в деревне, как где что, так он уже завсегда там и размахивает своей левой кувалдой. Мы его из-за этого леваком звали. Небось, не забыла, скольким парням из-за тебя от него влетало? Да и здесь, когда его чуть не посадили...

– Да ты, Миша, расскажи про Васин последний час, – просила мать, подливая гостю в кружку. – Очень он мучился перед смертью-то?

– погоди, Дарья, не спеши. Я еще дойду до того момента. Сама не рада будешь.

Он выпил, понюхал огурец и громко хрустнул.

– Я его и там, Дарья, предостерегал, чтобы был похитрее, как я, и не лез на рожон, почем зря, да разве он послушается? Наладил одно: «Либо грудь в крестах, либо голова в кустах». И не поймешь у него, дурачится он или всерьез...

Я к тому времени уже учился во втором классе и читал сохранившиеся от отца письма. В них он больше тревожился о нас, а о себе писал бодро, даже весело и был уверен, что дойдет до Берлина. Я запомнил его выражение: «Нам не страшен серый волк».

– Слышь, Дарья, ты, часом, не помнишь, в похоронке про высотку Безымянную написано или нет?

Мама, всхлипнув, кивнула, говорить она уже не могла. Про высотку Безымянную я читал в извещении или похоронке, как оно еще называло, которое знал наизусть: «Ваш муж, старший сержант Дроздов Василий Петрович, в бою за Социалистическую Родину, верный воинской присяге, проявив героизм и мужество, был 21 марта 1943 года убит. Похоронен в районе Безымянной высоты, что ю.з. отметки 598 с. Кабрусель Ешинного р-на Ленинградской обл.».

– Упоминается, стал быть... Ох, и намучились мы с этой высоткой. То мы отобьем ее у немцев, то они у нас. Сколько за нее наших полегло, не счесть. Очень она нужна была и нам и немцам. Перекрывала она им наступление на Ленинград. А в тот день пришел приказ взять ее во что бы то ни стало. Помню, снег валил, последний мартовский. Три раза нас откидывали от высоты, будто кулаком в лицо, и каждый раз на снегу оставались лежать наши солдаты, запорошенные снегом. Тогда и Ефим, твой дядя, лег. Его скосило у Васьки на глазах. Ох, ты б видела, как он выверился. Когда командира убила шальная пуля, он первый на себя взял командование и в четвертый раз, Дарья, он уже повел бойцов за Родину, за Сталина. Честно говоря, я как лейтенант, старший из оставшихся в живых по званию, должен был по уставу повести их на высотку, но он опередил меня, этим, выходит, спас меня. Высотку-то мы на этот раз взяли, да он сам на ней остался. Как сейчас помню, только вбежал я на высотку, вдруг слышу, как пробежало по рядам: «Дроздова убили». Я к нему...

Миша Мещанкин, как называла мужика мама, замолчал, вытер двумя пальцами нос, выпил и начал глухо чавкать. Я глядел на него широко раскрытыми глазами, с трудом сдерживая подступающий плач.

– Он на шинели лежал, живой еще. Ему осколком живот разворотило, и он, Дарья, все пытался кишки вовнутрь засунуть. Так и вижу их сейчас, красные, длинные, как черви. Я подошел к нему, присел и спрашиваю: «Вась, как же ты так? Что я твоей Дашуне с Нинуськой и Серенькой скажу?» Скосил он на меня уже незрячий глаз, хотел что-то сказать, да не смог, кровавая пена изо рта пошла. Так на моих глазах и помер. Приказал я его тут же на этой самой высотке закопать.

Он еще что-то говорил, я не слышал, потому что тонко-тонко заскулил, словно подпевал громкому рыданию мамы. Он посмотрел на нас, допил остаток водки и вдруг запел папину любимую песню «Не губите молодость, ребяташки». Мы с мамой затихли, она встряхнула головой и стала подпевать своим редким бронзовым голосом. Он у нее был какой-то особенный, какой я не слышал ни у кого. Я заслушался и стал им вторить...

Мурлыча этот мотив, я выпил водку, тошнота, как всегда, пробкой заткнула горло. Я задержал дыхание, быстро налил в стакан пива и двумя глотками проглотил. Тошнота прошла, но полегало мне лишь после того, как я съел бутерброд и выпил еще пива.

А шеф все гудел, вернее, дудел, и это монотонное и сплошное дудуду-дудуду забивалось, словно пыль, в мои уши, нос, рот.

Боже мой, думал я, затыкая пальцами уши, что же есть во мне такое, отчего он с первого взгляда выбрал именно меня? Даже смешно сейчас вспоминать, что когда-то я смотрел с уважением на этого дезертира.

И хотя он быстро продвигал меня вверх, готовя на свое место, я при первой возможности ушел от него. Встретившись со мной через пятнадцать лет, он называл меня на вы и подобострастно заглядывал в глаза. У меня мелькнула мысль, но я ее отбросил, как отбросил, услышав о смерти Миши Мещанкина и еще одного нашего родственника, который прятался у бабушки до получения похоронки на отца. Помню я вошел в избу и увидел, как он гвоздем расковыривал рану на ноге. Увидев меня, он быстро прикрыл гвоздь другой рукой, и глаза у него были испуганные. Мне было семь лет, но я все понял и всю жизнь помнил об этом при встрече с ним.

Знал я и еще одного труса. Им оказался наш сосед. Не помню, до ухода отца на призывной пункт или после, утром по двору разнесся слух, что за Семеном Гушиным пришли. Я успел как раз во время. Его выводили из дома двое военных. У соседа был обмотаны тряпкой пальцы руки. Помню пень, на котором он отрубил себе указательный палец правой руки, которым, как все повторяли, нажимают на курок винтовки. У Семена были две дочери, ровесницы мне и Нины. Мы с ними дружили, но об их отце никогда не говорили, знали только, что с того дня о нем не было ни слуха, ни духа. И никто об этом не жалел.

Провожали отца мама и я, Нина осталась с полуторогодовой Валей. Мы простились с ним перед воротами двора школы в Раменском, видели, как он встал в строй новобранцев, и затем бежали вдоль забора в надежде увидеть его еще раз. О том, что он мог быть последним, мы не думали, во всяком случае, я.

От отца у нас осталась одна единственная крохотная фотокарточка на паспорт. От времени и от того, что мы возили ее с собой, она потускнела, правый верхний угол был оторван вместе с частью уха и прически. В седьмом классе я дорисовал голову и подретушировал лицо. Увеличенную фотографию мама прикрепила к памятнику бабушки, чтобы можно было хоть так ходить к отцу на могилу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.